

The background of the cover is a watercolor-style illustration. At the top, there are branches with bright yellow and orange autumn leaves against a teal background. Below this, a person with dark skin and short hair is shown from the back, wearing a blue short-sleeved shirt with white stripes on the collar and cuffs. The person is looking out over a landscape with a sunset or sunrise sky in shades of orange and yellow, and a green field in the foreground.

ДЕРЖИ  
МЕНЯ  
ЗА РУКУ

*Долен Перкинс-Вальдез*

# Долен Перкин-Вальдез

## Держи меня за руку

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=70022659](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70022659)*

*Держи меня за руку: Фантом Пресс; Москва; 2023*

*ISBN 978-5-86471-933-6*

### Аннотация

Вдохновленный реальными событиями, эмоциональный и глубоко трогательный роман о чернокожей медсестре, которая на американском Юге пытается добиться справедливости для своих пациенток. 1973 год, Алабама. У только что окончившей школу медсестер Сивил Таунсенд большие планы, она мечтает изменить мир к лучшему. В клинике контроля рождаемости она намерена помочь женщинам самим распоряжаться своим телом и своей жизнью. Сивил отправляется навестить своих первых пациенток, и пыльная проселочная дорога приводит ее в обшарпанную хижину, где живут Эрика и Индия. И Сивил с ужасом обнаруживает, что ее пациентки – дети, девочкам всего одиннадцать и тринадцать лет. Они еще даже ни разу не целовались с мальчиками, но они черные и бедные, а значит, с точки зрения белых чиновников из социальной службы, уже готовы плодиться, а потому нуждаются в превентивных мерах. Сивил решает, что будет бороться с такой несправедливостью, и ей, похоже, это удастся. Она коренным образом меняет жизнь девочек, их отца и бабушки, но... Но трагедия все равно наступает

их. Спустя десятилетия всеми уважаемая доктор Сивил Таунсенд готова уйти на пенсию, обрести покой и оставить прошлое в прошлом. Но есть люди и истории, которые отказываются быть забытыми. Которые нельзя забывать.

# Содержание

Часть I	6
1	6
2	10
3	20
4	29
5	40
6	44
7	56
8	66
9	76
10	82
11	94
12	105
13	115
Конец ознакомительного фрагмента.	120

# Долен Перкинс-Вальдез

## Держи меня за руку

*Елене и Эмили*

*Бен, обязательно сыграй сегодня на собрании  
«Господь, держи меня за руку»<sup>1</sup>. Сыграй как можно  
лучше.*

*Последние слова Мартина Лютера Кинга, 4 апреля  
1968 г.*

TAKE MY HAND by DOLEN PERKINS-VALDEZ

Copyright © 2022 by Dolen Perkins-Valdez

© Камилла Исмаилова, перевод, 2023

© «Фантом Пресс», издание, 2023

# Часть I

## 1

### *Мемфис*

*2016*

Ни один год не проходит без мыслей о них. Индия, Эрика – на изнанке каждого белого халата, который я надеваю, будто вышиты эти имена. Я рассказываю свою историю, чтобы и ты всюду носила их с собой как напоминание: «Никогда не забывай». Медицина научила меня, по-настоящему научила принимать все, что не можешь изменить. Молитва о душевном покое сродни горькому лекарству. Я не буду переписывать прошлое. Я поведаю о нем, чтобы призраки наконец обрели покой.

Ты рисуешь, как моя мама – самозабвенно, а упорством напоминаешь моего папу. Твои способности явно идут вразрез с законами генетики. Я смотрю на тебя: вернувшись домой после колледжа, ты теперь, как и все сверстники, либо

найдешь свой путь, либо соскользнешь в неопределенность. Ты сидишь на веранде, зарывшись носом в серую шерсть пса, – помесь питбуля и дворняги, которого хотели усыпить за нападение на человека. Пес живет с нами шесть лет, и все это время он скорее суетлив, чем агрессивен, будто знает: один промах – и он обречен. Сейчас я понимаю, что такая уверенность в последствиях, пусть даже мрачных, это благословение.

Пес кряхтит; ты ищешь, где лучше его почесать. Мне бы хотелось, чтобы кто-нибудь почесал так меня. Усталость пронизывает до костей. В этом году мне стукнет шестьдесят семь, но время пришло. Я готова возиться в саду, перебирать влажную землю и вспоминать о былом – точно сорока, от старости еле поднимающая крылья. После пробуждения мне обычно хочется укутаться в одеяло и подремать еще часик. Да, время и правда пришло.

Две недели назад мне рассказали, что Индия тяжело больна. Я не знаю, какой недуг поразил ее, но вижу в этом знак: пора отправляться на Юг. Понимаю, как это выглядит. Нет, я не собираюсь ее спасти. Нет, я не тешу себя химерными мечтами о последней пациентке, которой станет та, что была первой. Хотя и молилась об этом. Господи, помоги мне разгадать мое сердце.

Я окликаю тебя, и ты смотришь через окошко в кухню. Ты привыкла к тому, что я всегда рядом, но с каждым годом нуждаешься во мне все меньше и меньше, и мне больно

от этих перемен. Еще немного, и нас останется двое – пес и старушка, которая лопочет ему бессвязную ерунду, как все хозяева один на один с питомцами.

Но прежде, чем для нас обеих начнется этот новый этап, нам нужно кое о чем побеседовать. Мы с тобой всегда были откровенны друг с другом. Как только ты подросла и начала задавать вопросы, я открыла тебе все, что знала о твоих кровных родителях. Рассказала, как ты пришла в мою жизнь и принесла в нее счастье.

Поведав о твоём рождении, я умолчала о *происхождении*. О том, что предшествовало твоему появлению. О длинной цепочке событий, попирающей природные взаимосвязи. Твоя судьба, как я хочу показать тебе, переплетена с судьбой этих сестер. Нелегко объяснить, почему я впустила тебя в свою жизнь, решила не выходить замуж и не иметь детей. Прежде мне не хотелось обременять тебя этим, но теперь я начинаю думать, не навредила ли тебе, скрыв часть правды и позволив жить в неведении.

Вытаскиваю из кармана платья сложенный листок бумаги. Разворачивать его незачем, я запомнила адрес, вбила маршруты в телефон и продумала, как построю путь. Машина заправлена, в рюкзаке полно снеков. Несколько комплектов одежды аккуратно сложены в чемодан, стоящий у двери. Осталось одно дело – сказать тебе, куда и зачем я еду. Ты уже кое-что знаешь о сестрах и о суде, который всполошил всю страну, но еще не слышала историю целиком. Пора ее

рассказать.

– Энн! – кричу я тебе и маню в дом.

## 2

### *Монтгомери*

1973

Нас было восемь. Вспоминая те дни в клинике, я каждый раз спотыкаюсь об эту цифру. Могло ли все пойти иначе? Как бы сложилась тогда наша жизнь? Ни одной из нас уже не суждено это выяснить. Видимо, и в мире ином меня будут мучить те же вопросы. Но тогда, в начале, мы думали только о главной задаче. Совладать с нищетой. Втоптать ее в землю. Зажать рану, чтобы не вытекла вся кровь. Никто не предупредил, что когда мы наиграемся с чужими жизнями, нам придется столкнуться с последствиями.

В марте 1973 года, спустя девять месяцев после окончания колледжа медсестер, я впервые устроилась на работу – в Монтгомерскую клинику контроля рождаемости. В один день со мной поступили и две новенькие медсестры, Вэл и Алиша. В клинику мы явились, как солдаты на службу. Выпрямленные волосы. Отглаженная форма. Начищенные туфли. Расправленные чепчики. Словом, к нам невозможно

было придраться.

Над нами начальствовала высокая женщина по имени Линда Сигер. Богом клянусь, у нее были глаза на спине. Ничто не ускользало от этого взгляда. Несмотря на каменное выражение ее лица, в глубине души я поневоле начала ею восхищаться. Как ни крути, она, белая, управляла клиникой, где принимали бедных чернокожих пациенток. Трудилась на благо общества. Такая работа требует немалой отдачи.

– Поздравляю. С сегодняшнего дня вы сотрудницы Монтгомерской клиники контроля рождаемости.

Этой фразой завершился наш курс подготовки. Неделя занятий. Ознакомительная инструкция на пятьдесят страниц, причем половина посвящена уборке кабинетов и туалета, а также поддержанию порядка в подсобке. Эта тема заняла целых три дня. Достаточно, чтобы задаться вопросом, кто мы – медсестры или уборщицы. На четвертый день наконец настала очередь клинического протокола и заполнения карточек пациентов. Увидев в комнате отдыха наши понурые лица, более опытные медсестры пообещали первые пару недель помогать. Мы здесь заодно.

Когда все стали расходиться, миссис Сигер ткнула пальцем в мою сторону:

– Сивил.

– Да, миссис Сигер?

Нахмурившись, она показала на мои ногти и удалилась в свой кабинет. Я подняла ладонь и убедилась: ногти и правда

стоило подстричь. Я спрятала руки в карманы.

Втроем мы, медсестры-новички, нырнули в комнату отдыха, чтобы взять со стеллажа сумки. Одна из девушек – при знакомстве она назвалась Алишей Даунс – легонько толкнула меня локтем. Алиша была примерно моего возраста, родилась и выросла в маленьком городке недалеко от Хантсвилла. В Таскиги я уже встречала таких, как она, – круглолицых провинциалок, невинно хлопающих глазами, не то что я, горожанка до мозга костей.

– По-моему, это фальшивка, – сказала Алиша.

– Что?

Она показала на свою голову:

– Рыжая башня у нее на макушке. За пять дней ни один волосок не колыхнулся.

– Похоже на летающую тарелку, – шепнула я.

Алиша прикрыла рот ладонью, на лице ее промелькнуло новое выражение. Кажется, она все эти дни разыгрывала перед миссис Сигер спектакль. Может, Алиша и провинциалка, но далеко не из робких.

– Спорим, если ткнешь пальцем, останешься без руки, – сказала она.

Третья новенькая покосилась на нас, и я стерла улыбку с лица. Вэл Бринсон – так ее звали – была старше нас с Алишей как минимум лет на десять.

– Она наверняка тебя слышала, – сказала я, когда мы выходили из клиники. – Ты чокнутая!

– Уже прочла свои медкарты?

Я вытащила из сумки желтый конверт. Мне поручили выезд на дом к двум маленьким пациенткам. В карточках не было ничего особенного – кроме самого факта, что девочкам их возраста прописали контрацептивы. Судя по документам, первую инъекцию сестрам сделали три месяца назад, то есть как раз подошло время для следующей.

– Есть интересные случаи? – спросила Алиша.

Идиотский вопрос, чуть не ответила я. Мы не на шоу талантов. Алиша выучилась на медсестру в «Добром самаритянине» в Сельме. Она была красива незатейливой красотой, на лице ее всегда блуждала тень улыбки. Как-то миссис Сигер спросила: *Я сказала что-то смешное, мисс Даунс?* – и Алиша ответила: *Нет, мэм, просто чихнуть захотелось.* И лицо ее тут же сделалось непроницаемым. Миссис Сигер задержала на ней взгляд еще на мгновение, затем продолжила разъяснять, как следует мыть туалеты.

– Не сказала бы. – Я не знала, насколько детально нам позволено обсуждать пациентов. О врачебной тайне миссис Сигер толком и не говорила. – Две девочки школьного возраста, которым прописаны инъекции противозачаточного.

– А мне дали мать шестерых детей.

– Шестерых?

– Да-да, ты не ослышалась.

– Значит, надо спешить, пока их не стало семь.

– Точно. Ладно, увидимся. – Алиша помахала мне, и я от-

ветила тем же.

Скажу тебе честно, в те времена я частенько смотрела на людей свысока. Папа привил мне чувство собственного достоинства. Мы жили в районе Сентенниал-Хилл, недалеко от Университета штата Алабама, и меня с детства окружали образованные люди. Высокомерие стало щитом от всех, кто презирал чернокожих настолько, что отказывал им в наличии интеллекта. За ужином мы обсуждали Фанона<sup>2</sup> и Болдуина<sup>3</sup>, спорили о Дюбуа и Вашингтоне<sup>4</sup>, восторгались Анджелой Дэвис<sup>5</sup>. Когда по телевизору показывали чернокожих знаменитостей – например, Сэмми Дэвиса-младшего<sup>6</sup>, – посмотреть собиралась вся семья.

Но Алишу не обманула моя надменность: как только мы познакомились, она тут же сократила дистанцию. Глядя ей

---

<sup>2</sup> Франц Фанон (1925–1961) – франкоязычный революционер и социальный философ родом с Мартиники, один из теоретиков борьбы за деколонизацию стран третьего мира.

<sup>3</sup> Джеймс Болдуин (1924–1987) – афроамериканский писатель, борец за права человека.

<sup>4</sup> Уильям Эдуард Бёркхардт Дюбуа (1868–1963) – афроамериканский историк и социолог, один из основателей Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения (НАACP). Букер Тальяферро Вашингтон (1856–1915) – оратор и просветитель, борец за права чернокожих и первый ректор Индустриального педагогического института в Таскиги (ныне – Университет Таскиги).

<sup>5</sup> Анджела Дэвис (р. 1944) – афроамериканская правозащитница, профессор истории развития разума и феминистских исследований в Калифорнийском университете в Санта-Крузе.

<sup>6</sup> Сэмюел Джордж (Сэмми) Дэвис-младший (1925–1990) – афроамериканский эстрадный артист, чечеточник, певец и комик.

вслед, я уже знала, что мы быстро подружимся.

Машину я припарковала в полутора кварталах от клиники, на Холкомб-стрит, чтобы ее никто не увидел. На окончание колледжа папа подарил мне новенький «додж кольт», и неловко было появляться на нем у работы, когда большинство медсестер пользовались автобусом. Миссис Сигер поручила мне пациенток, живущих в глуши, потому что знала: у меня есть надежное средство передвижения.

– Сивил?

Боже правый, теперь-то что? Я обернулась к миссис Сигер.

– Можно вас на два слова?

– Да, мэм.

Она направилась обратно в клинику. Дверь захлопнулась, обдав меня теплым потоком воздуха. Я могла поклясться, что эта женщина умеет извергать пламя. Мне не впервые встречались драконы вроде нее, грозные преподаватели были и в колледже Таскиги. Профессор Бойд грозился снизить оценки всем, кто опоздает хотя бы на две минуты. Профессор Маккинни рассаживал девушек и парней по разным концам кабинета и запрещал даже думать о взгляде в противоположную сторону. Подобное меня не пугало. Но рядом с миссис Сигер появлялось стойкое чувство, что я, уж не знаю как, обязательно в чем-нибудь напортачу.

Внутри, за стойкой регистрации, никого не было. Я поправила чепец, пригладила платье и постучала к миссис Сигер.

Она не только успела дойти до кабинета, не дожидаясь меня, но и закрыла за собой дверь.

– Входите.

Здание клиники прежде было жилым домом с тремя спальнями. Самую маленькую миссис Сигер переоборудовала в свой кабинет, в двух других располагались смотровые. Кухню превратили в комнату отдыха для сотрудниц, а гостиную вместе с обеденной зоной – в регистратуру и приемное отделение. За стеной в задней части здания рокотало недавно проложенное шоссе.

Вдоль одной стены в кабинете миссис Сигер стояли книжные стеллажи, вдоль другой – шкафы для документов. Над рабочим столом висела дюжина наград за заслуги перед обществом. Орден «Ради других» от Армии спасения. Пожизненное членство в Молодежной лиге<sup>7</sup>. Везде – идеальный порядок. Из стаканчика на столе торчали остро заточенные карандаши.

Миссис Сигер держала в руках какую-то папку.

– Садитесь.

– Да, миссис Сигер.

Я опустила на стул. За открытым окном назойливо чирикал воробей.

– Насколько мне известно, у вашего отца врачебная практика в городе.

---

<sup>7</sup> Молодежная лига – закрытая некоммерческая организация для женщин, занимающаяся благотворительностью. Основана в США в 1901 году.

Разглядев, что в руках у нее мое личное дело, вместо ответа я закашлялась.

– Вы больны?

– Нет, мэм.

– В нашей профессии важно заботиться о своем здоровье. Мы обязаны высыпаться и следить за питанием, чтобы оказывать помощь другим.

– Да, мэм.

– Прекрасно. Значит, ваш отец доктор, – констатировала она.

Я знала, какими будут ее следующие слова. Те же нотации читали мне преподаватели из Таскиги, когда узнавали, что мой отец и дедушка врачи. *Вы делаете большие успехи в учебе. Но женщина, разумеется, должна задумываться и о другом. Например, о замужестве и детях. Карьера медсестры – правильный выбор, мисс Таунсенд.* Я понятия не имела, что отвечать на подобные отповеди. То, что начиналось как похвала, непременно превращалось в колкое оскорбление. Чаще всего я бубнила что-то бессвязное, задаваясь вопросом, не принимаю ли все чересчур близко к сердцу.

– Да, мэм.

– Правительство поручило нам важное дело. И мы должны относиться к нашей миссии предельно серьезно. Всякое колесо нуждается в спицах. Мы и есть спицы.

Алиша была права. Волосы у миссис Сигер ни разу не колыхнулись.

– Сивил, вы умная девушка, поэтому я вас и наняла. Я возлагаю на вас большие надежды, поскольку считаю, что вы станете хорошей медсестрой. Но мне не хочется, чтобы вам в голову прокрались напрасные мысли.

Она вроде бы сделала комплимент, но что-то в нем резало слух.

– Мысли о чем, мэм?

Миссис Сигер нахмурилась, и на мгновение я испугалась, что мой вопрос прозвучал дерзко.

– О вашей особой роли. Здесь вы должны работать заодно с остальными медсестрами. Наша миссия – помогать беднякам, которые не могут помочь себе сами.

– Да, мэм. – Я замолчала, переваривая услышанное.

Папа многое сделал, чтобы я не только выросла хорошо образованной, но и разобралась в тех правилах, которым подчинялась наша жизнь в Алабаме. Знала, когда держать язык за зубами. Знала, когда не стоит вступать в сражение. Не пыталась переубедить других – пусть остаются при своем мнении. Уроки дались мне непросто, но я усвоила их достаточно крепко и потому умела добиваться того, что мне нужно. Например, устройства на эту работу. *Она просто тебя похвалила, Сивил. Прими похвалу с достоинством.*

– Да, мэм. Я не разочарую вас.

Миссис Сигер кивнула.

– И еще, Сивил. Подстригите все-таки ногти.

– Да, мэм.

К медицине меня начало тянуть уже в средней школе. Хотя папа считал, что мне следует выучиться на врача, сама я всегда понимала: медсестры столь же важны для пациентов. В ландшафте медицинского мира, основанном на иерархии, они находятся ближе к земле. Работа в клинике казалась мне идеальным рычагом для продвижения черных людей к прогрессу. Миссис Сигер могла бы заниматься чем угодно, но выбрала помощь молодым цветным женщинам. Ее одобрение много для меня значило. Наш труд должен сделать мир лучше.

Я размышляла так: существуют разные виды служения. Духовная служба. Государственная. Служить – значит оказывать помощь. И здесь, в клинике, мы служили на благо молодых чернокожих женщин.

Мой чепец приподняло порывом ветра. Я поспешила к машине и, как только села в нее, сдернула невидимки и сняла чепец. Клянусь, в те первые дни я не сомневалась, что буду трудиться в клинике столько, сколько позволят. У меня были новая подруга, работа, диплом Таскиги. Мне все было нипочем.

Дома я первым делом предложила маме поменяться машинами. Мне не хотелось привлекать к себе еще больше внимания, а ее «пинто» выглядел явно потасканной моего «кольта». Я твердо решила, что не подведу миссис Сигер. Дракониha не успеет заметить, как станет есть у меня с руки.

### 3

До того как двигаться дальше, мне нужно кое в чем признаться. Я никогда не говорила тебе об этом и молюсь, чтобы ты сумела понять.

Весной 1972 года я сделала аборт.

Двадцатитрехлетняя студентка, без двух месяцев дипломированная медсестра, готовая ко взрослой жизни – в то время я планировала работать в больнице, возможно, даже в хирургии. Заметив красноречивые признаки, я стала убеждать себя, что они ничего не значат. Мне совершенно не хотелось ограничивать жизнь замужеством и материнством. Отец ребенка, Тайрелл Ралси, с детства был моим лучшим другом, но ни я, ни он для такого еще не созрели. После процедуры он приехал в Таскиги меня проведать. Мы обменялись парой слов за тарелкой капустного супа. Потом Тай уехал домой, и мы не заговаривали о случившемся еще много месяцев.

Я хотела, чтобы у моих пациенток все было иначе. Пользуясь чудесами контрацепции, они имели бы возможность сознательно подойти к беременности. Я надеялась свести к минимуму долю случайностей, неприятных сюрпризов. Мы с Таем не оказались бы в таком положении, если бы позаботились о мерах предосторожности. Большинство пациенток в клинике усвоили этот урок на собственном горьком опы-

те, уже родив или пережив выкидыш. А некоторые – сделав аборт. Они часто появлялись у нас без записи, готовые смиренно раскрывать чужим людям детали личной жизни ради помощи.

Кроме этого, мы занимались и просветительской деятельностью. Выезжали к пациенткам на дом, потому что понимали: если не проявить инициативу, то до кого-то мы так и не достучимся. Для начала всем новеньким медсестрам дали по одному адресу, и подразумевалось, что через полгода их число увеличится. Мои пациентки жили за городом, и предстоящая поездка меня пугала. Я понятия не имела, как говорить о сексе и контрацепции в чьей-то гостиной. А главное, обе девочки несовершеннолетние. Будут ли их мама с папой смотреть, как я делаю укол? Одна только мысль об этом визите наводила ужас.

Пойми, я поверила в важность клиник контроля рождаемости задолго до того, как устроилась в одну из них. Статистика беременностей среди молодых незамужних женщин в Монтгомери была чудовищной. В том году Верховный суд США легализовал аборты до срока жизнеспособности плода, но в Алабаме это решение ничего, по сути, не изменило. Да, появилась возможность проводить процедуру в безопасных больничных условиях, но для бедняков она все равно была слишком дорогой и труднодоступной. Профилактические меры оставались наилучшим решением. Хотя мне не верилось, что бывают нежеланные дети, однако нежелатель-

ные беременности явно случаются, и я сама в этом убедилась.

В понедельник утром я поехала в клинику на маминой машине, хотя могла бы и прогуляться. Расстояние – всего-то две мили, но папа настоял, чтобы я села за руль, иначе ко мне могут пристать из-за сестринской формы. Может, он и правда этого боялся, но, думаю, скорее хотел потешить свое самолюбие. Машина была очередным доказательством нашего статуса. Я опустила стекло и подставила лицо ветру.

Не я одна приехала в клинику рано. Неугомонная миссис Сигер уже проверяла освещение. Лампочка в приемном отделении лопнула, стоило щелкнуть выключателем. Миссис Сигер, судя по всему довольная своей предусмотрительностью, удалилась в подсобку за заменой.

Медсестра в регистратуре держала журнал учета посетителей раскрытым на стойке, и мы, проходя мимо, могли видеть список пациенток на день. Имен обычно было немного. Как я уже говорила, большинство женщин появлялись без записи. После того как пациентки отмечались в журнале, регистраторша складывала их медкарты в пластиковый держатель у входа в смотровой кабинет. Мы работали попеременно. Та медсестра, чья очередь наступала, брала медкарту и проводила осмотр. В один из дней обучения я подняла руку и задала вопрос: *Разве пациенткам не будет спокойнее, если при каждом обращении их будет принимать одна и та же медсестра, а не разные?* Миссис Сигер поморщилась, да и

только.

В ту первую смену мне не попалось сложных случаев – в основном пациентки приходили за контрацептивами. Одна, впрочем, пожаловалась на боль при мочеиспускании. Господи, только бы не что-нибудь венерическое, подумала я тогда. На ней были атласная блузка и юбка, какие подошли бы секретарше, – неплохая униформа для города, где большинство черных женщин носят фартук прислуги. Судя по анализу, у пациентки была инфекция мочевыводящих путей.

В клинике никогда не принимали мужчин, и на обучении миссис Сигер подчеркнула, что в нашу миссию это не входит. *Но разве мужчины не должны участвовать в контроле рождаемости?* Меня осадили во второй раз, так что до самого конца инструктажа я держала рот на замке.

\* \* \*

Днем я должна была поехать домой к пациенткам, но так боялась этого визита, что решила сперва заглянуть на работу к папе. Когда-то он принимал пациентов всего в паре кварталов от клиники. В то время многие чернокожие держали предприятия на Холт-стрит, но затем через этот район решили проложить федеральную трассу. Папа перенес практику на Мобил-роуд. Он все еще любил поворчать, как много холт-стритских дельцов пали жертвой той стройки. Пока Монтгомери развивался и рос, жаловался он, черных швы-

ряли то туда, то сюда. С папой трудно было поспорить, но тогда, не имея политического представительства, мы ничего толком не могли сделать.

Когда я вошла, за стойкой регистрации перекусывала Гленда – светлокочная женщина с улыбкой от уха до уха. За все годы, что я ее знала, она ни разу не взяла больничный. Неизменная пышная прическа, мешковатые платья. Папа звал ее «старая добрая Гленда». Она занималась всем – была медсестрой, секретаршей, администратором. Ее преданность папиной практике пробуждала во мне чувство вины: сама я, будучи единственной дочкой, работать у него не стала.

– Поздний ланч?

– Пациенты все идут и идут. Твой отец, по-моему, за день ни крошки съесть не успел. Отдашь ему сэндвич, когда он выйдет из кабинета?

Я взяла обернутый в фольгу сэндвич, и Гленда впустила меня внутрь. Папина дверь в дальнем конце коридора была приоткрыта. Куда ни глянь, повсюду лежали книги. Хотя папа и читал естественные науки, любовь к литературе была у него в крови. Он обожал поэзию и собрал целую полку разнообразных сборников. Люди его поколения часто заучивали стихи наизусть, и когда я была ребенком, он читал их мне перед сном. В Алабаме постоянно обсуждали политику, и если папу спрашивали о положении дел в нашей стране, он мог выпалить что-нибудь вроде: «Когда покой свинцом и смер-

тью отдает, то лучше боль, и ненависть, и гнет»<sup>8</sup>. Я не узнавала и половины подобных цитат, но мне нравилась мелодия стихов.

– Если не заживет, приходите, – донеслось из-за двери.

Когда папа прощался с пациентами, его голос звучал по-особому, громче обычного, будто он подводил черту. Наверное, в то утро я говорила с первыми пациентками точно так же. Как ни крути, я дочь своего отца.

Я устроилась на диване. На стене висели фотографии, на каждой – я в разном возрасте. Сразу видно – единственный ребенок в семье. Мой взгляд зацепился за черно-белый снимок, о существовании которого я успела забыть. Младенец лежит на спине посреди обеденного стола, который мама застелила кружевной скатертью. За объективом – ее приятьель-фотограф. Комнату заливают солнечный свет, падает прямо мне на лицо. Я знала каждую деталь этой фотографии. В детстве я часто рассматривала ее, изумляясь тому, до чего сильно, должно быть, мама любила меня в те первые месяцы материнства. Мои волосы спрятаны под шапочкой, глаза закрыты.

Раздался щелчок – открылась дверь кабинета. Пока папа просил Гленду выписать рецепт на 250 миллиграммов какого-то препарата, я сняла рамку с фотографией со стены. По-

---

<sup>8</sup> Цитата из стихотворения «Потухшее пламя» (*Dead Fires*) Джесси Редмон Фосет – афроамериканской поэтессы и писательницы, а также редактора журнала «Кризис» (*The Crisis*), деятельность которого внесла вклад в движение Гарлемского ренессанса.

слышался стук кожаных подошв по линолеуму. Я затолкнула фотографию под диван. На выцветшем квадрате, где она висела еще пару мгновений назад, теперь торчал одинокий гвоздь.

Наконец появился папа.

– Сивил, ты что здесь делаешь? Почему не на работе?

Я развернула фольгу и протянула ему сэндвич. Папа взял его, сел рядом со мной на тесный диван и закинул ногу на журнальный столик. В носу защипало от запаха колбасы.

– Я впервые еду на дом к пациенткам.

– Где они живут?

– За городом, на Олд-Сельма-роуд.

– Ехать далеко? Ты заправила машину? Будь осторожна, пожалуйста.

– Чего там бояться, пап? Гремучих змей?

Я понимала, почему он переживает, но мне казалось, что не стоит высказывать это вслух. Папа принимал пациентов, попавших в самые разные жизненные ситуации, даже тех, кто не мог заплатить. Но вот выезжать к людям на дом, видеть, как стесненно они живут, он не хотел. Я же, наоборот, мечтала заниматься именно такой медициной – и как раз по этой причине не стала работать на папу.

– Когда доедешь, посигналь и жди, пока они выйдут. В дом не входи.

– Как я буду лечить их, оставаясь снаружи?

– Делай что нужно и не отвлекайся.

– Там две сестры, одиннадцать лет и тринадцать.

– Неужели таким девочкам нужна контрацепция?

– Вот и я о том же.

– Они уже рожали?

– Насколько я знаю, нет.

– Доктор Таунсенд? – Гленда постучала в дверь и, не дожидаясь ответа, заглянула. – Следующий пациент уже здесь.

Мне всегда казалось, что если папа плюнет в небо и скажет ей, мол, идет дождь, то Гленда несколько не усомнится. Я рано узнала, что такое благоговение перед врачами.

Будто несколько секунд передышки могли заменить ему сон, папа закрыл глаза. Спросил:

– Половые отношения в одиннадцать лет?

– Моя задача – помочь, пап. А не лезть в чужие дела. Федеральное правительство поручило нам не дать этим девушкам поломать себе жизнь. – Я старалась не смотреть на папу. Он не должен догадаться, что я сама чуть не поломала свою. Родители даже не знают, что мы с Таем встречались, не говоря уже об аборте.

– Ты понятия не имеешь, как живут эти люди, Сивил.

– У *этих людей* есть имена.

– Главное, уезжай оттуда до того, как стемнеет.

– Иначе меня там убьют или что? Они ничем не хуже нас, пап.

Он открыл глаза, и теперь во взгляде еще явственнее читалась тревога.

– Тебе надо больше спать, – заметила я.

– Я бы так сильно не уставал, если бы ты окончила медицинскую школу и пришла работать ко мне.

– Пап, забота о репродуктивном здоровье – это тоже медицина. Да и не хочется мне соперничать с твоей преданной ученицей. – Я указала большим пальцем в сторону двери.

– Не ерничай, Сивил.

– Ты с ней общаешься больше, чем с мамой.

Папа скомкал фольгу и выбросил в мусорную корзину.

– Я горжусь тобой, Сивил. Ты хорошо показала себя в учебе. Если не будешь слишком самонадеянной, все сложится благополучно.

Папа открыл дверь, и поникшие плечи его тут же расправились. Когда он принимал пациентов, в его тело, казалось, вселялся кто-то другой. Вроде все тот же папа – и одновременно совсем не он. Папа был невысоким, всего пять футов шесть дюймов, но благодаря широким плечам выглядел внушительно.

Едва за ним закрылась дверь, я вздохнула. Он не заметил исчезновения фотографии, а я не смогла бы объяснить, зачем ее спрятала. Если папа в нашей семье был скалой, то я – подушкой, за которой прятала свою боль, не решаясь показать ее другим. Мое младенческое фото что-то разбередило во мне, внутри засело неприятное саднящее ощущение. Интересно, был бы мой ребенок похож на меня? Я сунула руку под диван, достала фотографию и убрала в сумку.

Алабама. Самое сердце Библейского пояса<sup>9</sup>. Некогда – дом почти для полумиллиона рабов. Я родилась и выросла здесь, но до знакомства с Уильямсами моя жизнь в Монтгомери ограничивалась благополучным мирком Сентенниал-хилл. Мама состояла в «Звеньях». Папа – в «Буле»<sup>10</sup>. Когда мне было четыре, в баптистской церкви на Декстер-авеню появился двадцатипятилетний пастор – Мартин Лютер Кинг. Вскоре ему предложили возглавить «автобусный бойкот», а позже он с товарищами организовал марш за избирательные права, и протестующие дошли до ступеней алабамского Капитолия. Помню, как папа привел меня послушать доктора Кинга, очертил рукой собравшихся и сказал: *Видишь этих людей? Ты должна занять свое место в их рядах.*

Знаю, ты возразишь мне, что единого черного сообщества не существует, это не монолит. Но в те годы мы, сплоченные благодаря общему опыту, и вправду ощущали себя частью

---

<sup>9</sup> Библейский пояс – регион Юга США, культура которого традиционно испытывает сильное влияние евангельского протестантизма.

<sup>10</sup> «Звенья» (*The Links*) – закрытая общественная организация, которая объединяет образованных чернокожих женщин, занимающихся благотворительностью на волонтерских началах. «Буле» (*The Boule*) – престижное объединение афроамериканцев, основанное в 1904 году. Среди его членов были, в частности, У. Э. Б. Дюбуа и Мартин Лютер Кинг-младший.

такого сообщества. Конечно, в нем были расколы. Глубокая трещина между образованными и необразованными, между зажиточными и бедными. Честно говоря, я даже не помню, чтобы мы хоть раз намеренно выбирались в сельские районы, разве что проезжали мимо, направляясь на церковный пикник или что-нибудь вроде того. И уж точно никогда не заходили там в чей-то дом. А жизнь в тех местах текла совершенно иная. Говоря «сельский район», я имею в виду самую что ни на есть глушь. Отсутствие водопровода, уборные во дворе, грунтовые дороги. Географически дома за Олд-Сельма-роуд были не так уж далеки от нашего, но с тем же успехом могли находиться на другой планете.

Приехав по нужному адресу, я поначалу решила, что сестры Уильямс живут в аккуратном одноэтажном домике из кирпича, перед которым стояли два пикапа. Мамину маленькую машину окутало густое облако пыли. Когда оно рассеялось, я увидела на крыльце двух белых мальчишек. Я опустила стекло до упора в надежде, что они разглядят мою форму медицинской сестры.

– Где мне найти семью Уильямс?

Номер на почтовом ящике значился верный.

Один из мальчишек указал куда-то за дом, и тогда я все поняла. Обогнув пикапы, я поехала по неглубокой колее. «Пинто» так подпрыгивал на колдобинах, что я боялась удариться головой о потолок. Только бы не застрять. Меньше всего на свете мне хотелось возвращаться пешком к тем

мальчишкам и просить их позвать отца. К счастью, дождей в последнее время не было и дорогу не развезло.

Деревья расступились, впереди, на макушке холма, показался домик. Я выжала газ, и машина взревела, преодолевая довольно крутой подъем. Вскоре дорога пошла более полого, колея здесь была уже не такой разбитой и заросла травой. Слева лежало большое поле, ветерок поглаживал высокие колосья. В растениях я мало что понимала, но решила, что, наверное, это пшеница. Показались хозяйственные постройки, рядом, на небольшой поляне, паслись две коровы, тут же деловито бродила курица. Приблизившись к домику, я увидела, что это, скорее, самая настоящая лачуга. Выглядела она печально – будто ее перекосило порывом ветра, но сил, чтобы выровняться, не хватало. Возле домика в придорожной пыли отчаянно чесался тощий черный пес. Я взглянула на себя в зеркало, облизнула пересохшие губы.

Стоило вылезти из машины, как меня атаковали мошки. Пахло гарью. Я подумала, что живущие здесь девочки вряд ли ходят в школу, а если и ходят, то наверняка от случая к случаю. Предполагалось, что меня будут ожидать, но телефона у пациенток не было, и я не знала, помнят ли они о визите. Раньше их навещала другая медсестра, но месяц назад она уволилась.

Возле дома я заметила девочку в оранжевой футболке и замызганных штанах. Она закрылась ладонью от солнца, на лицо упала тень.

– Привет! Я Сивил Таунсенд из Клиники контроля рождаемости.

Миссис Сигер требовала, чтобы домой к пациентам мы ездили в форме, уж не знаю зачем. Было по-мартовски зябко, а свитер я оставила в машине. Ветер охлаждал шею.

Я подошла ближе. Похоже, кто-то пытался заплести девочке косички, но волосы так сваялись, что причесать удалось только кончики. Я сунула медкарту под мышку и попыталась вспомнить, что там написано.

– Ты Индия, да?

Пес потерялся о мою ногу, и я едва удержалась, чтобы не оттолкнуть его. Когда он отвязался, я обнаружила на белых колготках бурое пятно. Ну разумеется.

– Она не разговаривает.

Я дернулась от неожиданности. За сетчатой дверью стояла еще одна девочка. Я наконец вспомнила, что читала в медкарте. Младшая сестра немая. Эта деталь вылетела у меня из головы, но теперь все встало на места.

– Я Сивил Таунсенд, медсестра. Меня прислали сделать уколы.

– А прошлая куда делась?

– Я... не знаю.

Меня и саму озадачивало ее увольнение. Может, работа показалась чересчур сложной. Может, где-то предложили больше денег. Ездить на эту ферму не особо приятно, но вакансии в государственных учреждениях, как ни крути, на

дороге не валяются.

– Ваш папа дома?

– Нет, мэм.

Я прокрутила в голове все, что мне было известно об этой семье. Мэйс Уильямс, отец, тридцать три года. Держит скот, возделывает землю, работает у белого фермера в обмен на лачугу и мизерную зарплату. Констанс Уильямс, мать, умерла. Патриша Уильямс, бабушка, шестьдесят два года.

Поодаль мелькали чернильные силуэты коров.

– А бабушка?

– Ба, медсестра пришла!

Я натянула улыбку, изображая любезность, но вряд ли вышло убедительно. Спросить разрешения войти в дом или ждать, пока появится бабушка?

Старшая сестра пришла на помощь. Эрика – я наконец вспомнила ее имя.

– Можете зайти.

Она открыла передо мной дверь. Сетка отслоилась от рамы – так себе защита от мух. Скрипнули петли. Не помню, говорила ли я тебе раньше, но когда я переступила порог, моя жизнь изменилась – и жизнь Уильямсов, разумеется, тоже. С медкартой и дорожной аптечкой в руках я заявила к девочкам, воображая себя спасительницей. Юная, наивная я. Ростом пять футов пять дюймов, а такая всезнайка!

Едва я вошла, как в нос ударила вонь. Пахло мочой. Потом. Псиной. К этому букету добавлялся резкий запах ка-

кой-то похлебки. В доме, обшитом прогнившими досками, была всего одна комната. Внутри полумрак – единственное окно занавешено куском простыни, и немного света проникало только сквозь сетку на двери и щели в стенах. Когда глаза привыкли, я разглядела на кровати груды одежды, которую будто бросили туда походя. На полу – точнее сказать, на земле – валялись кастрюли, сковородки, ботинки. Вокруг вились мухи. Неужели в этой комнатенке обитают четыре человека? Да, немало семей в Монтгомери обходилось без водопровода, но это жилище – настоящая катастрофа. Я с трудом подавила накотившую тошноту.

Посреди этого хаоса, помешивая что-то в большой, исходящей паром кастрюле, в расшатанном кресле-качалке сидела бабушка девочек. Я шагнула вперед и увидела яму в полу, закрытую проволочной решеткой. На ней-то и стояла кастрюля. Поднимавшийся снизу жар согревал комнату. Вблизи миссис Уильямс казалась старше шестидесяти двух лет, но все еще была красива: бронзового цвета кожа, высокие скулы. Глаза зеленые, но потускневшие, белки желтоватые.

– Хотите поесть? Не скажешь, что вы голодаете.

Если в Алабаме кто-нибудь упоминал в разговоре мою фигуру, редко целью было меня обидеть. Лишний вес считался знаком благополучия. Но в обществе незнакомых людей я все же стеснялась своей полноты.

Бабушка девочек вытерла руки о платье. Под мышками

темнели пятна. Пока она говорила, я заметила, что у нее недостает нескольких зубов.

Я протянула руку.

– Здравствуйте, миссис Уильямс. Меня зовут Сивил Таунсенд. Я новая медсестра, буду навещать Индию и Эрику. Мне нужно сделать им уколы.

– Значит, похлебки моей вам не надо.

– Буду рада попробовать ее в другой раз, мэм. Сегодня мне надо вовремя вернуться в клинику. Я подгадала, когда у девочек закончатся уроки в школе, – протараторила я.

Случилось то, о чем я беспокоилась. Если отказаться поесть или выпить, можно запросто обидеть хозяйку.

Миссис Уильямс глянула на меня с любопытством.

– Меня попросили заполнить журнал наблюдений, – добавила я.

– Что-что?

– Журнал наблюдений.

Она прищурилась и вдруг рассмеялась.

– Вы здешняя?

– Да, мэм. То есть нет, мэм. Я живу в городе.

– Как, говорите, вас звать?

– Сивил.

– Сивилла.

– Сивил.

– Очень приятно, мисс Сивил. – Она выставила скрюченный палец и обратилась к девочкам: – Расчистите-ка для

медсестры место, ей некуда деть.

– Большое спасибо.

Сестры расположились на кровати поверх горы одежды. Я села рядом, прямо на мужские трусы, и чуть не раскашлялась: в ноздри ударил резкий запах давно не мытых тел. От девочек несло так, будто они не приводили себя в порядок неделями. Неужели у них нет колонки с водой?..

Стараясь дышать через рот, я попробовала завести разговор, так девочки немного ко мне привыкнут.

– Вы сегодня ходили в школу?

– Нет, мэм, – ответила старшая.

У нее был широкий лоб, весь в прыщах, высокие скулы и острый подбородок. Поскольку говорила она почти не размыкая губ, слова звучали тихо и невнятно. Девочка казалась вялой, и мне хотелось ее немного растормошить.

– Почему?

– Мы туда не ходим.

– И папа не заставляет?

– Нет, мэм.

В Алабаме родители, дети которых не посещают школу, могли нарваться на проблемы с законом. Я-то полагала, что времена, когда дети бросали учебу и трудились на ферме, уже позади.

Работать без стола было неудобно, но я принялась за дело и распечатала первую иглу. Старшая сестра, закатав рукав, оголила жилистый бицепс.

– Сейчас немного ужалит, – сказала я, но она только молча на меня посмотрела.

Игла вошла легко. Затем сестры поменялись местами, Эрика обняла Индию за талию. Кожа у младшей была того же нежного, насыщенного шоколадного оттенка, что и у Эрики, но лицо более округлое, а черты мягче. Волосы по бокам туго стягивали резинки, вдоль линии роста волос белели крошечные бугорки. Когда я ввела иглу, Индия даже не вздрогнула.

После уколов сестры вышли на улицу, а я согласилась выпить чашку похлебки, сваренной бабушкой. Я старалась не замечать убогость этого дома. Похлебка, впрочем, оказалась отличной.

– Очень вкусно, миссис Уильямс.

– Морковку вырастила сама.

Довольная тем, что уговорила меня поесть, она вышла из дома. Меня окатило волной стыда – то ли за себя, то ли за них.

Когда я открывала аптечку, лежавшую у ног, вернулись девочки.

– Оставить вам?

– А что это?

– Гигиенические прокладки.

– Для чего?

– Их нужно класть в трусы, когда у вас месячные. «Котекс». Прошлая медсестра не привозила их вам каждый ме-

сяц?

– А, да. У меня были такие. Но потом перестали работать.

– Как это – перестали работать?

– Кровь начала протекать.

– А ты заменила прокладку?

Эрика не ответила.

– Эрика, нужно менять их каждые три-четыре часа. Нельзя весь день ходить с одной и той же прокладкой. Если месячные обильные, можно менять даже чаще. Договорились?

– Да, мэм.

– Медсестра не говорила об этом?

Она промолчала.

– Ничего страшного. Вот, возьмите, а потом я привезу еще, хорошо?

– Да, мэм.

Я хотела спросить, где они моются, есть ли на участке колонка с водой или какой-нибудь водоем неподалеку, но решила не спешить. Еще будет время все разузнать. Я собрала вещи и вышла. Уже почти у машины меня окликнула Эрика.

– Мисс Таунсенд?

– Зови меня Сивил.

– Вы маловато мне дали прокладок.

– Не переживай. В следующий раз привезу еще.

– Просто... если по-честному... у меня все время течет.

– В смысле – все время?

– Почти каждый день.

– У тебя идет кровь каждый день? И сейчас тоже?

– Да, мэм.

Неудивительно, что от нее так пахнет. Я пообещала как можно скорее привезти им с сестрой прокладки.

– У Индии еще не течет.

– Как это? Хочешь сказать, у твоей сестры пока не было месячных?

Эрика покачала головой. Дойдя до двери, она обернулась. Я села в машину и крепко вцепилась в руль, так сильно меня трясло. Девочке прописали инъекции контрацептивов, хотя у нее еще не начались менструации. Более того, я сама только что сделала ей укол. Сосредоточенно глядя на свои гладкие руки, я пыталась переварить информацию. Вонь словно въелась в ноздри, мешая дышать.

*Лето 2016*

Я езжу на этом «вольво» пятнадцать лет, с тех пор как купила. Пробег у него лишь пятьдесят тысяч с небольшим, ведь мой дом всего в паре миль от больницы. Ты предложила арендовать для поездки машину поновее, с современным оснащением. Я отказалась. *Вот приедешь в провинциальные городишки, где даже радио толком не ловит, и будешь локти кусать*, сказала мне ты. Я ответила, что больше люблю тишину. *А как будешь заряжать телефон?* – *От прикуривателя, как и всегда.* – *А масло ты заменила?* Солнышко, перестань.

Дорога из Мемфиса в Монтгомери через Олив-Бранч занимает каких-то пять часов, но до возвращения в родной город у меня намечено несколько остановок. Нужно уладить дела. Кое с кем повидаться. Я предупредила всех, что приеду, – звонками и сообщениями. Не люблю сюрпризы, никогда не любила, поэтому стараюсь не преподносить их другим.

Заправляю машину и обрабатываю руки антисептиком. Когда я сажусь за руль, звонит телефон. Это доктор Джеймс, он подменяет меня в больнице. Хочет что-то спросить о моем пациенте. Я вежливо сообщаю, что заполнила все медкар-

ты перед отъездом. Обещаю зайти на больничный портал, как только буду в отеле, но ему и так уже стыдно за звонок. *Хорошего отпуска*, говорит он. *Кстати, куда вы поехали?* Я отвечаю не сразу. *Домой. В Монтгомери.* Едва я произношу название города, как вдруг понимаю, что не была там лет десять. После того, как папа умер, а мама переехала в Мемфис, не осталось поводов возвращаться. Отпуском, правда, мою поездку можно назвать с натяжкой. Впереди меня ждет многое, но точно не отдых.

Я съезжаю на трассу и увеличиваю скорость. Думаю о старом «додж кольте», подарке от папы, вспоминаю, как любила этот автомобиль и с каким тяжелым сердцем его продала. Я тоже собиралась купить тебе машину на окончание колледжа, но отмела эту мысль. Мне не хотелось делать широких жестов, словно пытаюсь компенсировать то, что я растила тебя в одиночку. Глупо, наверное. Старательно избегать отношений – дело нелегкое, даже если знаешь, что для тебя это правильный выбор. Надеюсь, моя попытка воспроизвести современную модель семьи оказалась удачной. *Сивил, ты топшишь дочь в своем чувстве вины*, все повторяет мне мама. Я в таких случаях просто молчу. Многое из того, что говорят матери, может ранить ребенка, даже когда ребенок давно повзрослел.

Три часа до Джексона. До Алиши. Хотя все эти годы мы общались довольно редко и нерегулярно, она, должно быть, единственная понимает, почему я избрала такой путь. Если

женщина, достигнув определенного возраста, не вышла замуж и не родила детей, люди склонны считать, будто с ней что-то не в порядке. Может, не повезло в любви или истекло время, отпущенное биологией на деторождение. Я всегда полагала, что именно так обо мне думают посторонние. Слишком уж живучи стереотипы о старых девах. Но когда вопросы появились и у тебя, Энн, я забеспокоилась.

Скажу так. Само собой, я вступала в отношения. Тогда не сложилось, но моя жизнь все-таки не была лишена любви. И да, я предохранялась с одержимостью, рядом с которой померк бы и самый сильный материнский инстинкт. Это мое решение. Для женщины нет права важнее, чем право на выбор, Энн. И я им воспользовалась. Осознанно и в полной мере.

Я рада, что первым делом увижусь с Алишей. Ее уравновешенность поможет привести мысли в порядок. Пытаюсь представить, как она сейчас выглядит. Это по моей вине мы почти перестали общаться. Если и разговаривали по телефону, то только потому, что она звонила первой. Правда, в отличие от многих ровесников, я не завела аккаунты в соцсетях. Возможно, начини я ими пользоваться, ситуация бы изменилась. Последний раз мы встречались с Алишей под конец моей учебы в высшей медицинской школе, когда я навещала родителей. Она зашла к нам домой, я спросила, как поживают Уильямсы. Их семья, словно клей, скрепляла нас все эти годы. Я спрашивала, что у них нового, Алиша рассказы-

вала. Кто бы мог подумать, что именно она будет поддерживать связь со всеми нами? Пожалуй, роль посредницы всегда удавалась ей хорошо. Я собираюсь поблагодарить ее. Более того, надеюсь, что она захочет поехать дальше со мной. Быть может, Алиша – та, кто доподлинно знает эту историю, – поможет мне во всем разобраться.

Машина мерно гудит, и я, обгоняя фуру, гляжу, как на одомере неспешно меняются цифры. Чем быстрее я еду, тем медленней тянутся мили.

*Монтгомери*

1973

– А потом говорит: «Важно заботиться о своем здоровье, чтобы оказывать помощь другим. Обязательно высыпаться и следить за питанием».

Мы обе громко расхохотались. Алиша хрюкнула, и кофе едва не прыснул у нее изо рта.

– Мда-а, миссис Сигер спуску не даст, но в душе вроде как добрая. – Алиша подцепила кусок блинчика. Она заказала двойную порцию. – Вчера, кстати, я осматривала первую пациентку, так она тонометра ни разу не видела. Представляешь?

Я покачала головой и отпила кофе.

– Скажи-ка мне вот что, Алиша. Как ты очутилась на этой работе?

Мы сидели возле окна в кафе «Риджент». Эта закусочная находится на Джексон-стрит столько, сколько я себя помню, но Алиша пришла сюда впервые. Я рассказала ей, что имен-

но тут доктор Кинг и его соратники обсуждали стратегию борьбы. Половину посетителей я знала в лицо – многие были друзьями родителей.

Алиша отложила вилку.

– Я выросла в церкви.

– Ну, все в Алабаме выросли в чьей-нибудь церкви. При чем тут наша работа?

Я позвала Алишу на завтрак, поскольку хотела поговорить с ней об Уильямсах, но с тех пор, как мы сели за стол, беседа петляла из стороны в сторону. Алиша была очень легкой в общении.

– Нет, я росла *прямо в церкви*. Несколько дней в неделю там проводила. Церковь была для меня домом. А потом, в шестнадцать лет, я узнала, что мама крутит с ним шашни.

Я опустила чашку с кофе.

– С кем?

– С пастором.

– Как ты узнала?

– Застукала их вместе.

– Ты шутишь!

Она мотнула головой, будто воспоминание все еще было свежо.

– Я грозилась рассказать папе, но мама умоляла не говорить. Мол, папа его убьет. Я поверила ей и только поэтому сохранила секрет. Боялась, что папу посадят в тюрьму. Но скрывать это было ужасно.

– Еще бы.

– Принести вам что-то еще?

Официантка, Айрин, училась со мной в старшей школе. В то время в Монтгомери ты шагу не мог ступить, не встретив знакомых. Я заметила, как она разглядывает Алишу. В нашем небольшом городе новые лица всегда вызывали любопытство.

– Пока нет. Спасибо, Айрин.

– Мне еще сиропа, пожалуйста, – попросила Алиша, не доевшая блинчик.

Когда Айрин ушла, мы продолжили разговор.

– И что потом?

– Потом я решила сбежать подальше и от церкви, и вообще от города. Приехала сюда, чтобы начать все с нуля, потому что прикрывать мать слишком тошно.

– Это ее груз, не твой.

– Оказалось, проповеди поганого лицемера из головы так просто не выбьешь. Мне хочется делать людям добро. Я по-прежнему верю в Бога, но теперь должна сама поступками доказывать, что он существует.

Алиша вскинула подбородок. Брови, подведенные карандашом, вздернулись полумесяцами. Она отвела взгляд, а я стала всматриваться в ее круглое лицо, в полоску тени на щеке. Алиша ничего не сказала отцу – и боль, которую чувствовал бы он, досталась ей.

– Значит, ты работаешь медсестрой, стремясь восстано-

вить баланс в мире, – сказала я. Она смахнула со щеки слезу, и я накрыла ее ладонь своей. – Все нормально. Я понимаю. Но почему ты устроилась именно в нашу клинику?

– Ну, на этот вопрос ответить проще. – Она широко улыбнулась. – Потому что, насколько мне известно, рабочие места не раздают просто так на улице!

Раз возвращаться к семье Алиша не собиралась, полагаться ей приходилось только на себя. В моем случае все было иначе. Я знала, что если с клиникой не срастется, я всегда смогу работать на папу, хотя от такой альтернативы спокойнее не становилось. Подобное занятие я никогда не воспринимала всерьез.

Я сделала еще глоток кофе.

– Алиша, мне нужен твой совет.

– Ну, вперед.

– Есть у меня пациентки, две сестры. Я тебе рассказывала о них, помнишь? Те, к которым я должна ездить домой? Я была у них на этой неделе, и оказалось, что у одной из девочек еще не начались менструации.

– Как это?

– Алиша, я ввела ей препарат, а у нее даже месячных нет.

– Тогда с какой стати ты сделала инъекцию?

– Я узнала уже после. В том-то и дело. – Я заговорила тише. – В истории болезни ничего не написано.

– Надо сказать миссис Сигер, что кто-то из медсестер напортачил.

Похоже, прежняя медсестра решила, что менструация – нечто само собой разумеющееся. Грубая, непростительная оплошность, какую мог допустить только человек с руками из задницы.

– Пациентке всего одиннадцать, – сказала я. – Даже если миссис Сигер не знает об этой ошибке, разве не странно, что девочке такого возраста вообще назначили контрацепцию?

– Даже не знаю, Сивил. Девочки сейчас скороспелые. Начинают все раньше и раньше. Особенно...

– Особенно что? В бедных семьях?

– Я не это хотела сказать.

– А что тогда?

За спиной Алиши вдруг распахнулась дверь. Тай, похоже, увидел нас через окно и сразу направился к нам.

– Здорово! – Он втиснулся за стол рядом со мной.

– Ты чего здесь забыл? – спросила я резче, чем мне бы хотелось.

– Познакомишь меня с подругой?

– Вообще-то не собиралась.

– Привет, я Тай.

– Алиша.

По ее улыбке было понятно, что она нашла его симпатичным. Я отвернулась. Мы с Таем не виделись уже несколько месяцев – ни разу с тех пор, как я вернулась в Монтгомери, – и теперь делали вид, будто между нами ничего не произошло. Я знала Тая с детского сада, наши родители были

хорошими друзьями. Когда мы окончили школу, Тай остался в Монтгомери и поступил в Университет штата Алабама, недалеко от дома. Его приняли в команду колледжа – кросс, спринт, бег с препятствиями, – но когда Тай приехал ко мне в Таскиги повидаться, я все равно удивилась, как он преобразился. Мальчик в теле мужчины, подумала я. А потом он поцеловал меня, и я поняла, что уже и не мальчик вовсе. За этой встречей последовали три новые, а потом еще больше. Не успела я спохватиться, как у нас все стало всерьез.

– Чем занимаетесь на новой работе? Что, правда нужна целая клиника для раздачи резинок?

Меня бросило в жар. Хватило же ему наглости так сказать!

Алиша принялась засыпать его статистикой подростковой беременности:

– Шестьдесят пять процентов незамужних матерей в Алабаме – чернокожие. Мы должны снизить это число, поэтому колем пациенткам препарат под названием «Депо-Провера». Так им не нужно каждый день вспоминать о таблетках.

– Звучит интересно.

Как легко у него выскочило слово «резинки», хотя сам он не удосужился их использовать. Впрочем, я сама это допустила. Потеряла бдительность, поскольку за годы знакомства привыкла ему доверять. В конце концов, это был не какой-то первый встречный, а Тай, мой лучший друг. Мой первый парень. Откуда мне было знать, что из-за минутной слабости

изменится вся моя жизнь?

– И все-таки что ты тут делаешь? – спросила я.

Тай показал на мою тарелку:

– Зашел позавтракать.

Прежде чем я успела возразить, он закинул в рот кусок сосиски и с набитым ртом продолжил:

– А вообще-то девчонкам нечего кувыркаться с парнями.

Слыхали про пояс верности?

Алиша расхохоталась, но я не соизволила даже улыбнуться. В день, когда я позвонила ему и рассказала о беременности, Тай спокойно предложил пожениться, а я приняла все за шутку. Когда до меня дошло, что он говорит серьезно, я выпалила: *Ты рехнулся?* – и бросила трубку.

Я чувствовала, что, несмотря на кажущуюся веселость, Тай внимательно за мной наблюдает. Наконец он поднял руку, подзывая Айрин, и попросил счет.

– Как мило, что ты решил нас угостить, – сказала Алиша.

– Я не такой болван, как считает Сивил.

Я закатила глаза.

– Заткнись, Тай.

Алиша взглянула на него, потом на меня.

– Ага, понятно. Вы двое друг другу нравитесь.

Он покачал головой:

– Сивил надо бы обучиться хорошим манерам.

После того как он расплатился, мы вышли на улицу. Мимо, помахав Таю, пронеслись двое мальчишек на велосипе-

дах.

– Эй, не хулиганьте там! – крикнул он.

Проезжавший по дороге грузовик взметнул облако пыли. Я чихнула и накинула свитер на плечи.

– Будь здорова, – сказал Тай, не сводя с меня взгляда. – Кстати, не хотите завтра вечером заглянуть в гости? Мама готовит воскресный ужин, и ей наверняка будет интересно послушать про клинику.

– Я не могу. У меня дела, – ответила я.

– Ты уже почти год не бывала у нас, Сивил. Мама расстраивается.

– Говорю же, дела.

– А ты, Алиша?

– Сходи, – кивнула я, прежде чем она успела отказаться. – Тебе как раз нужно обжиться здесь, а мама Тая знает всех в городе.

– Ну хорошо. Скажешь адрес?

Алиша полезла в сумочку, чтобы где-то его записать, а я помахала и пошла через дорогу к машине. Оборачиваться не стала: стоит мне снова взглянуть на Тая, и я раскрою о нас больше, чем Алиша уже успела понять.

\* \* \*

Монтгомерское агентство инфраструктурного планирования было зажато в тесном пространстве между прачечной

самообслуживания и лавкой с пончиками – странное место для федеральной организации, зато его легко отыскать. Я уже приходила сюда однажды, когда устраивалась на работу. Агентство курировало клинику, и как раз здесь проводили собеседование.

Внутри рядами стояли столы, отдельного кабинета удостоился только руководитель. Его я запомнила: в прошлый раз он без конца рассказывал о внуках. Столов было шесть, но заняты три. Две сотрудницы что-то печатали. Третья женщина – ее кустистые брови почти срослись у переносицы, придавая лицу напряженный вид, – говорила по телефону. Увидев меня, она приложила трубку к груди и спросила, чем может мне помочь. По интонации, с какой она задала вопрос, стало ясно, что я отвлекла ее от важного дела.

– Э-э... меня зовут Сивил Таунсенд, мэм, – протараторила я. Не успев обсудить свою затею с Алишей, я решила приехать и сделать что нужно, прежде чем передумаю. – Работаю медсестрой в Клинике контроля рождаемости. Я хотела узнать, можно ли предоставить моим пациенткам социальное жилье. Сейчас их дом на Олд-Сельма-роуд.

– Семья уже получает социальную помощь?

– Да, мэм, – ответила я. Строго говоря, к социальной помощи относились услуги клиники. Что еще Уильямсы получали от государства, я понятия не имела. У них из пожитков был один ночной горшок, да и только, как выразился бы папа. Если кто-то и нуждался в социальной помощи, то они.

– Садитесь, девушка.

Сотрудница вновь поднесла трубку к уху. Я опустилась на пластиковый стул и стала ждать.

Договорив по телефону, женщина повернулась к низкому шкафчику.

– К семье уже прикреплена соцработница?

Об этом я не подумала. Я примчалась сюда со всех ног, решив добыть для Уильямсов достойную квартиру, но следовало догадаться, что если они получают социальную помощь, то у них должна быть и соцработница.

– Да, мэм.

– Значит, она и должна заполнить бумаги. Вы знаете, как ее зовут?

– Нет, мэм.

Она взглянула на документы, лежащие на столе, и, казалось, задумалась о чем-то другом.

– Скажите, пусть придет к нам, и мы запустим процесс.

– Если дадите мне документы, то я все устрою сама. Мы с ней как раз встречаемся на следующей неделе.

Теперь я уже откровенно врала. Мои слова про социальную помощь были лишь логичным предположением. Но воображаемая встреча с соцработницей Уильямсов – это ложь совсем другого порядка.

– Сколько в семье человек?

– Четверо.

– Значит, квартира нужна с двумя спальнями?

– Нет, с тремя. С ними еще живет бабушка.

Сотрудница нахмурилась.

– Таких квартир у нас немного. На них высокий спрос, а семьи бывают и многочисленнее, чем ваша.

– Да, разумеется, мэм.

– Мы сейчас расселяем пятерых человек по двум спальням. Вот настолько у нас мало квартир. Правда, через пару лет должны построить еще несколько блоков. Если записать ваших пациенток в лист ожидания...

– Нет. – Пишущая машинка на другом конце офиса смолкла, и я стала говорить тише. – То есть... эти люди живут почти что в хлеву, понимаете, миссис... – я посмотрела на табличку с именем на столе, – миссис Ливингстон. В грязной хибаре на задворках фермы.

Моя находчивость удивляла даже меня саму. Я напирала на эту женщину прямо как Дайан Кэрол в той серии «Джулии», где она убеждает доктора Чегли разрешить семье отработать лечение сына<sup>11</sup>.

– Понимаю. Но к нам приходят и бездомные люди, мисс...

– Таунсенд. – Я закинула ногу на ногу. – Эта семья все равно что бездомная. Их жилище домом точно не назовешь.

---

<sup>11</sup> «Джулия» – американский комедийный сериал, выходивший на телеканале NBC в 1968–1971 годах. Главная героиня – овдовевшая чернокожая медсестра Джулия Бейкер (Дайан Кэрол), которая в одиночку растит сына Кори. В упомянутой серии отец из принципа отказывается принимать бесплатную медицинскую помощь для сына, но после предложения Джулии соглашается расплатиться своим трудом.

Все прогнило до дыр, вы бы видели. А у них еще и бабушка. Не представляю, как они там живут, когда сквозь щели свистит ветер и заливает дождь.

Из меня вышла бы неплохая актриса – вот только все это было правдой. Все, кроме встречи с соцработницей Уильямсов. Миссис Ливингстон опять наклонилась к шкафчику.

– Пусть соцработница заполнит бумаги, а потом даст семье подписать.

Я забрала документы.

– Да, мэ. Спасибо. Я передам ей. Большое спасибо.

Возвращаясь к машине, я держала документы в вытянутой руке, боясь ненароком их помять. Я сделала первый шаг к улучшению жизни Уильямсов, и мне было приятно это осознавать. Может, добыв им квартиру, я смогу загладить вину за то, что сделала младшей сестре тот укол. Вот ради чего я устроилась в клинику. Как и Алиша, я хотела делать людям добро – в доказательство, что Бог существует.

Выяснить имя социальной работницы оказалось сложнее, чем я ожидала. В медкарте никакой информации не нашлось. Похоже, помимо обращения в агентство, способ остался один – узнать у Пат Уильямс, бабушки. Но у нее могли возникнуть вопросы, а я не хотела раскрывать семейству свой план, пока не было уверенности, что все получится. Нужно найти другой путь.

В ту же неделю, во время уборки, я спросила у Вэл, не знает ли она, где искать контакты социальных работников. Она предложила обратиться в больницу Святого Иуды Фаддея, которая курировала несколько программ соцподдержки в Монтгомери.

– И еще вопрос. – Я перестала подметать. Мы наводили порядок во втором смотровом кабинете. Пока я говорила, Вэл опрыскала койку отбеливающим раствором и протерла пол шваброй. – Почему, по-твоему, миссис Сигер наняла только черных медсестер? Неужто в Алабаме не нашлось белых?

– Тише ты. Работа не дорога?

Вэл выучилась на медсестру, когда дети выросли и стали жить отдельно. После смерти мужа ей выплатили страховку, и она решила потратить эти деньги на курсы, искренне веря, что на такой путь ее наставил дух покойного. Как я успе-

ла понять, Вэл терпеть не могла, когда кто-нибудь выражал недовольство. Еще бы – сама она была бесконечно благодарна судьбе.

– Просто интересно, – ответила я.

– Извини, Сивил, не хотела грубить. Может, им кажется, что нам легче общаться с такими семьями. Но куда уж там... Вчера пациентка на меня шипела, как дикая кошка, прямо ерзала на диване. Двадцать два года девчонке, а уже трое детей.

– Шипела? Из-за чего?

– Не хотела делать укол. Это ее мать настояла.

На мгновение задержав взгляд на Вэл, я принялась открывать шкафчики, проверяя, везде ли порядок. Слева: шприцы, склянки, бинты, спиртовые салфетки, латексные перчатки. Справа: презервативы, гинекологическое зеркало, ректор, кюретка, пластиковые таблетницы.

– Пациентки, к которым я должна ездить, совсем еще дети, – сказала я. – Девочки одиннадцати и тринадцати лет. Я знала, что нам придется бывать за пределами города, но у этой семьи не дом, а кошмар. Нельзя, чтобы люди жили в таких условиях.

– Ага, многие вот так ютятся на земле белых. Ты же знала об этом, детка?

– Да, – соврала я. Папа оказал дурную услугу, заверяя меня, что мы ничем не лучше других черных, и при этом отгораживая от всего происходящего вне Сентенниал-Хилла.

– Вот и славно. А то вдруг ты ни слухом ни духом. Белый этот небось им платит гроши. По-моему, это все та же издольщина.

– Думать больно о людях, которые так живут. Ты бы знала, чем они пахнут. Это чудовищно. Нужно их оттуда вытащить.

Я замолчала, ожидая ответа. Вэл явно меня услышала, хотя на лице ее не дрогнул ни один мускул. Наконец, наклонившись и выжав швабру, она спросила:

– Скажи-ка мне вот что. Где их папаша будет работать, если съедет от своего белого?

Так далеко я план не продумала.

– Пойми, детка, лучшая помощь – это гарантировать, что его дочки не залетят. Помни, как им приходится жить, и представь, что ждет несчастного младенца, если одна из них все же родит.

– По-твоему, я об этом не думаю? Но мы можем сделать больше. Мне что, приезжать и притворяться, будто не вижу, как им тяжело?

– Сивил, – сказала Вэл, – каждый должен мириться с тем, что дает ему Бог.

Мы закончили уборку. Кроме нас, в клинике уже никого не осталось, так что мы выключили везде свет и заперли помещения. С сумкой на плече, у двери, я ждала Вэл. Она вышла и протянула мне папку:

– Вот, почитай.

Я раскрыла медкарту. *Герти Симс. Возраст: 14. Ребенку*

*три месяца. Отец: неизвестен. Мать: Дэйзи Симс, 37. Тотальная гистерэктомия одиннадцать лет назад. Подозрение на алкоголизм. Сестра: Кэролин Симс, 17, трое детей: восемнадцать месяцев, три и четыре года.*

– Наша работа важна, видишь? Да, мы не можем перетасовать этим людям карты. Только Богу такое под силу. Но можем проследить, чтобы дети не рождались у тех, кто еще сам дитя. Ты поняла меня?

Она права. Нужно беспокоиться о другом. Я попыталась представить грудного ребенка в их жуткой лачуге, и от одной этой мысли затрещала голова. Эрика не управится с младенцем, а на бабушку девочек и так взвалено больше, чем она способна вынести. Моя задача – приехать и сделать укол, вот и все.

\* \* \*

По совету Вэл я попыталась отказаться от идеи переселить Уильямсов. С прошлого приема я успела узнать, что длительные кровотечения – известный побочный эффект от «Депо». Удивительно, почему никто не предупредил Эрику. Или меня. Спустя некоторое время я по собственному желанию отправилась к Уильямсам. Девочки играли на улице.

– Привет, чем занимаетесь?

– Ничем.

Я присела на корточки перед Эрикой и приоткрыла бу-

мажный мешок.

– Привезла тебе еще «котексов». Прошлые ты использовала?

Она кивнула.

– Бабушка дома?

Эрика ткнула палкой в сторону лачуги. Я закинула сумку на плечо и поднялась на крыльцо. Мне не хотелось вламываться без приглашения, но через окошко я увидела хозяина: он сидел, поглаживая пса, на полу в центре комнаты и, заметив меня, дал знак – мол, входите. На мгновение я потеряла дар речи – никогда не встречала таких красивых мужчин. Сетка на двери мешала рассмотреть черты его лица, но нельзя было не уловить сходства с матерью – тот же цвет кожи, похожая форма скул. Над тяжелыми веками нависали густые черные брови. В глазах, несмотря на тусклое освещение, сверкали зеленые искорки.

– Вы откуда? – спросил мужчина, стоило мне войти.

– Я из клиники, медсестра.

– Медсестра, – повторил он, продолжая почесывать пса.

– Простите, что я вот так заявила. Я привезла девочкам средства для гигиены и хотела спросить разрешения кое-куда свозить их на пару часов. – Я выглянула в окно, проверяя, нет ли там миссис Уильямс, бабушки. Нужно узнать у нее, как зовут соцработницу.

Мужчина медленно встал, по-видимому чувствуя боль, и направился ко мне. Я заметила, что он немного хромотает, от-

ступила и уперлась спиной в дверь.

– Сивил Таунсенд.

Я протянула ладонь, и он торопливо пожал ее.

– Вы новенькая.

– В каком смысле?

– Новенькая чиновница.

Я не знала, что на это ответить. Хотя клинику и финансировало правительство, чиновницей я себя не считала. Как много, должно быть, людей ступало на этот порог, расспрашивая об их привычках, диете, болезнях – обо всем, что давало правительству повод вмешаться в их жизнь и послать подачки. Да, я понимала, что он вкладывает в слово «чиновница», но оно все равно меня немного коробило.

– Вы мистер Уильямс, верно?

Он рассмеялся. Голос был совсем как у матери – низкий, гортанный. Он был очень красив, просто глаз не оторвать, вот только от него, как и от девочек, дурно пахло. Непостижимо. Неужели дом настолько пропитан вонью, что она въедается в кожу и даже мытье не в силах ее одолеть?

– Так вы отпустите девочек или нет?

– Еще уколы?

– Нет, сэр. Я... хотела бы свозить их в магазин.

– А вы разве не медсестра?

– Медсестра.

– И что будете покупать?

– Самое нужное.

– Не хотите сперва посидеть?

С прошлого моего приезда в доме не стало чище. Стульев было всего два, и оба завалены каким-то тряпьем. Мистер Уильямс, похоже, прочел выражение на моем лице и принял-ся расчищать один из них. Стул скрипнул под моим весом. В ягодицу впиалась пружина.

– Простите, что тут все... так, – сказал он, пытаясь найти что-то в комнате. Отыскав стеклянную банку, он протер ее краем футболки. – Мистер Адэр не лучший начальник. А маме трудновато биться с погодой. – Он показал на солому, затыкавшую дыры в стенах, затем вышел на улицу и вернулся с полной банкой воды. Значит, водопровод рядом все-таки есть.

– Спасибо.

Пить из этой банки не хотелось, но он внимательно за мной наблюдал. Я закрыла глаза и сделала долгий глоток. Вода хоть и отдавала железом, все-таки освежала. Я неуклюже скрестила лодыжки. На мне была медицинская форма и длинный синий кардиган сверху. На кармашке вышита буква «Т» – Таунсенд. Похоже, она привлекла его взгляд.

– Вы сегодня работаете?

Мистер Уильямс качнул головой:

– Не совсем.

– Это как?

Он вскинул босую ногу, приподнял штанину и показал мне шишку на икре.

– Давно вы так ходите? – Я хотела было ощупать ее, но он отпрянул.

– Да ерунда.

– А у врача были?

Я уже предполагала худшее – опухоль.

– Не нужен мне врач. – Мистер Уильямс насупился. – Просто больная нога, вот и все. В общем, мистер Адэр собрался нанять людей из фирмы, так что сегодня мне работать не надо.

– Так он что, вас уволил?

Его лицо вдруг смягчилось, словно одна роль сменилась другой.

– Ну вы и хитрюга, вам это говорили?

Я поставила банку на пол, расплескав воду.

– Так можно мне взять девочек или нет?

– Тише, тише. Я шучу.

Я попыталась снова взять спокойный тон.

– Если вам нужен дом, у меня есть идея. Возможно, я сумею устроить для вас жилье по социальной программе. Отсюда, видимо, вашу семью скоро выселят.

– Это еще что за новости?

– Вам могут выдать новенькую квартиру. Вы же получаете социальную помощь? За все заплатит правительство.

Он закинул ногу на ногу, задев меня носком.

– Какой только помощи у нас нет. Каждую неделю кто-нибудь приходит да предлагает помочь.

– Значит, шансы неплохие.

Я пошарила в сумке. Документы, которые дала миссис Ливингстон из агентства, были еще у меня.

– Просто распишитесь вот здесь. И мне понадобится имя вашей социальной работницы, она проследит за процессом.

Мистер Уильямс посмотрел на документы и перевел взгляд на меня.

– Она больше к нам не приходит. Видать, испугалась.

– Вы помните, как ее звали? Главное, подпишите, а с остальным я разберусь. – Я снова порылась в сумке. – Простите... у вас есть ручка?

– Не-а, такого не водится.

Я натянула улыбку.

– Ладно, захвачу ее вечером, когда буду отвозить домой девочек. Если хотите, я оставлю бумаги, сможете прочитать, пока нас не будет.

Он не шелохнулся.

– Мистер Уильямс? Возьмите.

Губы его сжались; моя рука на пару мгновений зависла в воздухе. Когда до меня дошло, я чуть сама себе не дала пощечину. Отец девочек не умел читать, а я поставила его в дурацкое положение.

В полной растерянности я подняла с пола банку и допила воду. Борясь с дрожью, убрала документы в сумку.

– Я возьму их с собой, а вы подпишете в другой раз.

Он молчал.

– Пока не знаю, какую сумму нужно будет платить, но точно немного. И я спрошу, не смогут ли вам подыскать работу. Сколько времени мистер Адэр дал на сборы? – Я слушала себя и недоумевала от абсурдности ситуации. Я – медсестра. Человек, который делает уколы. Не фея-крестная.

– Спасибо, что заехали, мисс Сивилла. – На слове «мисс» он повысил голос и после короткой паузы с усмешкой произнес имя.

– Меня зовут Сивил.

– Да, мэм.

– Я верну девочек около семи. Хорошо?

– Да, можете ехать. Я своим девочкам в жизни ни в чем не отказывал. Но вашу... квартиру, – он сказал это с таким нажимом, что с языка слетела капля слюны, – оставьте себе.

Спускаясь с крыльца, я споткнулась на прогнившей ступеньке. *Говорил же папа: не ходи в дом.* Нужно было послушаться. Посигналить, подозвать их к машине, сделать уколы прямо на улице – и сразу же уносить ноги.

Пусть чертов фермер не беспокоится, что я буду лезть к нему с помощью. Пусть наслаждается сломанными стульями и грязной водой. Я окликнула Индию с Эрикой и, как только мы сели в машину, захлопнула дверь. Затем опустила стекла, чтобы в салоне не пахло. Я сделаю все возможное и помогу этим девочкам. А их папаша с бабушкой пусть поступают как хотят.

После встречи с отцом сестер меня трясло, но я старалась не подавать виду. Ему просто было стыдно, что он не умеет читать. С этим я разберусь – объясню при следующей встрече, что написано в документах, буду терпелива, как мой папа, когда пациенты не понимают медицинские термины. Мы часто обсуждали подобные вещи в сестринской школе. Нам полагалось обращаться с пациентами уважительно: уловив снисхождение, те немедленно замыкались в себе. Я надеялась, что не допустила с отцом девочек эту оплошность, но чутье говорило об обратном.

– Куда вы нас везете, мисс Сивил? – воодушевленно спросила Эрика, вздернув подбородок.

Я посмотрела в зеркало заднего вида и прочла на лице Индии то же доверчивое выражение.

– Мы едем в «Кеймарт», купим вам одежду.

– Куда?

– В «Кеймарт». Не слышали? Это новый универмаг в Монтгомери.

– А эти вещи вам чем не нравятся? – Эрика оглядела свою футболку и шорты.

– Разве вам не нужно белье и все остальное? – Я свернула на Юго-Восточный бульвар. – Вы давно ходили по магазинам?

Эрика еле заметно качнула головой. Я наступила на те же грабли. Сглупила сама и, вероятно, унизила девочек. Дома у них повсюду валялась одежда, но на вид одни обноски. Порванное, изъеденное молью, линялое тряпье. А поскольку Уильямсы не стирали вещи как следует, я понимала, что все купленное мной рано или поздно тоже окажется на полу.

– Заедем в «Кеймарт», потом я повезу вас к себе. Помогите в ванне, я займусь вашими волосами. Перекусим. Что скажете?

Эрика ответила мне полуулыбкой, чего не делала прежде ни разу; один из зубов оказался темным от кариеса. Первым делом я куплю ей щетку и, как только найду соцработницу, узнаю, ходили ли девочки хоть раз к стоматологу. Такими темпами их зубы не сегодня-завтра сгниют.

Когда мы заехали на парковку, девочки выпрыгнули из машины, а я заглянула в сумку. С утра я положила во внутренний карман кое-какие деньги, но не удосужилась их посчитать.

– Вы богатая, мисс Сивил? – Эрика посмотрела на меня сквозь стекло. Индия чуть поодаль прыгала на одной ноге.

– Конечно, нет. – Я закрыла сумку и вышла. – Будь я богатой, милая, сейчас бы гуляла с Билли Ди Уильямсом<sup>12</sup>.

– С кем?

– Ты не знаешь Билли Ди Уильямса?

Эрика покачала головой, и мы вошли в огромное белое

---

<sup>12</sup> Билли Ди Уильямс (р. 1937) – американский актер.

здание. Я выбрала «Кеймарт», потому что он новее, чем «Ловманс» в торговом центре «Нормандейл». А еще «Кеймарт» – крупнейший магазин в городе, площадью почти сто тысяч квадратных футов. Белоснежный интерьер, безукоризненная чистота, в просторных проходах никогда не образовывалось толчеи. На потолке горели флуоресцентные лампы. Мебель, косметика, техника, игрушки, одежда, обувь и даже аптечные товары – все под одной крышей. Если бы мимо нас пролетела фея, девочки, пожалуй, даже не удивились бы.

– Так, – я указала на красно-белую вывеску с надписью «Детский отдел», – давайте начнем с белья. У вас есть лифчики? – Как я заметила, бюстгальтеры они не носили, хотя грудь Эрики уже оформилась.

Вместо того чтобы пойти за мной, Эрика направилась к прилавку с едой – хот-догами и начос с сыром. Я однажды покупала там перекусить. Индию привлекла маленькая карусель в противоположной стороне. Начав не то мычать, не то вопить – громко, пугающе, – девочка шлепнула одну из лошадок по боку.

– Хочешь прокатиться?

Я знала, что со слухом у Индии все в порядке, но не могла определить, насколько хорошо она меня понимает.

– Ты же не поместишься, – заметила Эрика, бредя обратно к нам.

– Залезай. – Я бросила в отверстие четвертак, и Индия пе-

рекинула ногу через спину лошадки. Включились лампочки, а в колонках с помехами заиграла музыка, похожая на мелодии в фургоне мороженщика. Лошадь взмыла вверх. Индия издала какой-то щелкающий звук, настолько звонкий, что некоторые посетители остановились и уставились на нее. Многие, вероятно почуяв вонь, начали нас сторониться. Было страшно встретиться с ними взглядом. Когда карусель остановилась, я закинула еще четвертак, и Индия продолжила кататься. Я платила снова и снова, пока монеты не закончились. Чем дольше она визжала, тем больше привлекала зевак. Я подошла к стойке информации и попросила поменять доллар. Эрика смеялась, глядя, как радуется сестра, а я молилась, чтобы проходящие мимо люди не начали ругаться.

– У-уууу! У-уу-ууу!

\* \* \*

После того как мы купили все нужное, я повезла Эрику и Индию к себе. Правила подобное не запрещали, но я понимала, что миссис Сигер будет недовольна, если узнает, и пообещала себе, что поступаю так первый и последний раз. Припарковав мамину машину на подъездной дорожке прямо за «кольцом», я завела девочек через боковую дверь.

Пока они, выпучив глаза, обходили кухню, шум техники мучительно резал мне уши. Жужжание оконного кондиционера. Гул холодильника. Сестры не говорили ни слова, но

я видела, с какой жадностью они впитывают все, что видят. Мама никогда не задергивала шторы, она ненавидела темноту, поэтому наш одноэтажный дом всегда заливал солнечный свет. Девочки притихли, словно вторглись в чужое жилище, и смотрели по сторонам.

– Прямо как у белых, – констатировала Эрика, когда мы вошли в мою комнату. – Вы тут с мужем живете?

– Я не замужем. Разве я вам не говорила?

Она покачала головой. Я осознала, что почти ничего не сообщала им о себе, хотя сама знала так много об их семье и жизненных обстоятельствах. В нашей работе откровенность всегда была односторонней. Раскрытие интимных подробностей – одно из условий, которые нужно выполнить для получения социальной поддержки: ты докладываешь нам все про себя, а мы взамен одаряем тебя парой крошек американского пирога. Сами же не рассказываем ничего, не объясняем даже, как именно собираемся помогать. Внезапно я перестала жалеть, что привезла девочек к себе домой.

– Я живу с родителями. Братьев и сестер у меня нет. – Я достала из-под кровати фотоальбом. – Вот, полистайте, пока набирается ванна.

Я принесла стул из столовой и посадила их обеих за письменный стол, за которым готовилась к экзаменам в старших классах. От этой картины – девочки в моей комнате смотрят на фотографии – во мне что-то зажглось. Пожалуй, решимость. Я прослежу, чтобы они снова начали ходить в школу.

Найду им квартиру. Сделаю все, лишь бы их жизнь наладилась.

Я примостилась на краю ванны, размышляя, что, очевидно, превышаю служебные полномочия. Никому нельзя об этом рассказывать, даже Алише. Я не хочу потерять работу, а миссис Сигер будет вне себя, если узнает о моем поступке. Когда ванна наполнилась, я принесла из шкафа в прихожей чистые полотенца и повесила на дверь. Из шкафчика под раковиной я достала шампунь и гель для волос. Распутать девочкам космы будет непросто. Лучшее, что я могу сделать, – это попытаться хоть как-то их расчесать. Может, получится заплести «кукурузой»<sup>13</sup>. Сядем на веранде, и я буду до темноты перебирать волосы, разделяя пряди расческой или мизинцем.

– Если хотите, можете залезть в ванну вдвоем, – сказала я, отрезая бирки с белья и одежды. – Места должно хватить.

Индия запрыгнула в воду первой. Она начала относиться ко мне теплее после того, как покаталась на карусели в «Кей-марте». В какой-то момент даже схватила меня за руку и долго не отпускала.

Волосы у девочек до того свалялись, что распутать их не получилось. Как бы мне ни было жаль, колтуны пришлось отрезать. Эрика объяснила Индии, что иначе нельзя,

---

<sup>13</sup> Имеется в виду традиционный стиль плетения косичек корнроу (англ. *cornrow*), когда волосы заплетаются в несколько рядов очень близко к коже головы.

но та все равно разрыдалась, увидев падающие пряди. После стрижки я уложила ей волосы в афро и дала потрогать почувшившиеся мягкие кудри.

– Я совсем немного отрезала.

– Бабушка чокнется, когда нас увидит.

Я чуть не выругалась. Она права. Миссис Уильямс меня убьет. Стричь девочек, не спросив разрешения, было идиотской затеей. Да и афро далеко не всем нравится, взять хотя бы моего папу. Я дрожащими руками убрала ножницы в ящик. В свое оправдание скажу: в тот вечер прически девочек казались мне невероятно острой проблемой, вопросом жизни и смерти. Если приведу в порядок их волосы, полагала я, то смогу сделать то же со всем остальным.

Когда мы вернулись в комнату, Индия села передо мной, и я разделила ее волосы на несколько частей. Будто очерчивая континенты на карте, мы, черные девушки, прядь за прядью размечали свои черепа. Волосы Индии лежали тугими кудряшками. Я погладила их, коснулась бугорков на затылке:

– Тут чешется?

Она кивнула. Значит, надо купить ей шампунь от грибка.

– Что это? – спросила Эрика, указав на пол.

– Пластинки. Слушали их когда-нибудь?

Эрика покачала головой. Они с сестрой будто спустились с другой планеты, а я была их проводником на земле и должна была познакомить с местной едой, певцами и кинозвездами. Порывшись в своей коллекции, я вытащила новую пла-

стинку «Глэдис Найт энд зе Пипс». Первой поставила песню «Никто из нас». Музыка разрядила обстановку, и Эрика стала рассказывать мне о матери. Несмотря на замедленный темп речи, было видно, что девочка смышленная.

– Раньше у нас было радио. Мама любила его слушать.

– Ты хорошо ее помнишь?

– Мы тогда жили в другом доме. Настоящем. После ее смерти все изменилось. Даже папа стал другим.

Слово «смерть» она произнесла самым что ни на есть будничным тоном. Похоже, жизнь изрядно притупила их чувства.

– Вашему папе, кстати, я не очень понравилась.

– Кто вам сказал? – Эрика, лежавшая на моей кровати, подперла подбородок рукой. На спине новой блузки раскинула крылья желтая бабочка. Увидев эту блузку в магазине, Эрика вцепилась в нее так, словно я не имела права отказать.

– Ну... мне показалось.

– В папе ни капельки злости, поверьте. Он просто не любит людей из правительства.

Эрика перевернулась, и я увидела у нее в руках свою детскую фотографию. Наверное, достала из-под кровати. Прежде чем я успела отобрать снимок, она спросила:

– Это ваш ребенок?

– Нет. – Я сглотнула. – Это я.

– Когда были маленькой?

Я кивнула.

– Лапочка, – сказала она.

Индия тоже наклонилась, чтобы рассмотреть снимок.

Нужно вернуть фотографию папе. Я сама не знала, зачем держу ее у себя.

– Все говорят, что я копия папы.

– Индия похожа на маму, а я больше на бабушку. Жалко, что нам не достались папины светлые глаза. Мне бы пошли такие, как у него.

– У тебя чудесные глаза, – мягко произнесла я.

Эрика пристально на меня посмотрела.

– Мисс Сивил, вы еще приедете к нам или пропадете?

– С чего вдруг такие мысли? – Не дождавшись ответа, я заверила: – Никуда я не денусь, Эрика. А если придется, то вам скажу первым.

Ее, похоже, обещание успокоило. Она придвинулась к стопке пластинок у стены.

Через некоторое время я повела сестер на кухню, отварила рис и разогрела оставшееся со вчерашнего дня жаркое. Девочки сели за стол и принялись уминать еду. Я переживала, что ужин получился скромным, но ни на что другое времени не было. С часами я не сверялась, но знала, что уже поздно.

– Пора отвезти вас домой.

В заднюю дверь вошла мама, на ее щеке красовалось пятно желтой краски.

– Привет, – сказала она и проследовала через кухню в при-

хожую, словно не замечая, что за столом сидят два незнакомых ребенка.

– Это ваша мама? – прошептала Эрика. Она будто увидела привидение.

– Собственной персоной.

Я посмотрела в дверной проем, проверяя, не возвращается ли мама. Ее не было видно, поэтому я взяла пакеты со старой одеждой девочек:

– Ладно, поехали.

Индия сложила посуду в раковину и пару раз с силой хлопнула меня по плечу, привлекая внимание.

– Ей что-то нужно? – спросила я Эрику.

– Не пойму.

– Пойдем, Индия. Заглянешь еще в другой раз, хорошо?

По ее реакции я догадалась, что говорю слишком громко. Я все еще не разобралась, как с ней себя вести. Мы дошли до маминой машины, и девочки – одетые с иголки, сытые и благоухающие кокосовым маслом – забрались на сиденья.

Если я и была папиной дочкой, то явно не по своей воле. Я всегда мечтала о матери, которая читала бы мне на ночь и целовала перед школой. Но Джун Таунсенд, увы, не соответствовала этому образу. История гласит, что когда мама забеременела мной, папа переоборудовал сарай в художественную мастерскую – дома, по его мнению, испарения от красителей навредили бы ребенку. В углу он разместил корзину для грязных тряпок, а для проветривания установил оконные вентиляторы. У стены стоял комод, к которому примыкала железная мойка. Папа сам провел туда трубы, чтобы у мамы под рукой всегда была вода.

Как я стала подозревать по мере взросления, у папы была и другая причина переделать сарай. В школе медсестер мы не изучали послеродовую депрессию, но теперь я думаю, что рождение ребенка ухудшило и без того шаткое состояние маминой психики. Все мое детство она рисовала часы напролет, иногда даже забывая меня покормить. Я рано узнала, где искать хлеб и как делать сэндвичи.

Мама вываливала на пол все имевшиеся в доме игрушки, чтобы я не мешала ей работать. У меня был свой набор акварели, хотя особого интереса к краскам я не проявляла. Куда больше мне нравилось отрезать магнитики от душевой занавески и прицеплять их ко всем металлическим поверхно-

стям в мастерской. Мама тем временем, сидя в другом конце комнаты, уходила в себя. Назвать ее *задумчивой* – значит ничего не сказать. Она размышляла над двумя или тремя картинами одновременно. Два холста на мольбертах. Квадратное полотно на стенном держателе.

К старшей школе я научилась сколачивать рамы и натягивать холсты на подрамники; распиливать деревянные планки, внимательно отмерив углы, и соединять их друг с другом. Думала, это поможет нам с матерью сблизиться. Поначалу так и было. Мне нравился процесс, и мама даже предлагала мне подписывать эти подрамники. Но однажды, вернувшись из университета на каникулы, я увидела, как мама мастерит их сама и дерево распиливает куда аккуратнее, чем удавалось мне. С тех пор я не сделала больше ни одного.

Мне трудно представить мать без кистей, красок и одежды в разноцветных пятнах. Бывало, она до того увлеклась, что отцу приходилось забирать ее из мастерской. Он в прямом смысле уносил ее оттуда, и, заметив их силуэты в окне, я воображала, будто папа спасает маму. В такие минуты она походила на тряпичную куклу – голова на плече мужа, ноги болтаются.

На следующий день после того, как у нас побывали сестры, я сидела в сарае и наблюдала за матерью: кисть в руке, наспех нанесенная помада любимого красного цвета. Мама красила губы каждый день, сразу после утренних процедур. Даже заночевав в мастерской и не вымывшись перед сном,

она с религиозным рвением чистила зубы, споласкивала лицо и наносила помаду. В уголках губ помада обычно слегка размазывалась, а когда мама ела, помада окрашивала зубы. Тщеславная привычка – и единственный признак усилий, отменявший ее красоту.

Мама вытерла большой палец о рубашку. Работала она всегда в одной и той же простой одежде – перепачканной рубашке и заношенном комбинезоне. Даже зимой этот наряд не менялся. Папа не стал проводить в сарай отопление, боялся пожара. Мама утверждала, что прохлада ей нравится, но в особенно зябкие вечера надевала старые перчатки, в которых сделала прорези для пальцев.

– Все хорошо, Сивил? – не глядя на меня, спросила она.

– Ага, устроилась на новую работу.

– Сегодня?

– Вообще-то три недели назад.

– Ты мне не говорила.

– Видела вчера девочек у нас дома? Это пациентки.

В честь моего первого рабочего дня папа купил ребрышки барбекю, но мама обладала способностью полностью отключаться от мира. Я еще ребенком заметила эту рассеянность, один из штрихов ее эксцентричного характера.

– Нравится тебе? – Мама отступила на шаг от холста.

– Это уже законченный вариант?

Я тут же поняла, что ляпнула что-то обидное. Мамины полотна всегда казались мне непостижимыми. Она оставля-

ла на холсте много пустоты, но краски поражали буйством цвета. Я часто вглядывалась в ее картины, пытаюсь хотя бы по ним прочесть, что у мамы в душе, раз сама она открывается мне так редко.

– Я не про картину. Работа тебе нравится?

– Как раз пришла поговорить с тобой об этом. У девочек, которых ты видела, несколько лет назад умерла мать.

Она отколупнула пятнышко краски в правом нижнем углу холста.

– Ужасно.

Произнесено это было таким тоном, что не поймешь, говорит она об осиротевших девочках или выносит вердикт картине.

– Согласна, – продолжила я. – Они с папой и бабушкой живут в убогой хибаре на участке у белого фермера. Я пытаюсь переселить их в квартиру.

– М-мм.

Я потрясла банку с деревянными брусками, привлекая ее внимание. Мама повернулась ко мне.

– Ты сможешь мне? – спросила я.

– С чем?

– С этим делом.

– Сивил, ты правда мечтала именно о такой работе?

Мама задавала мне подобные вопросы столько, сколько я себя помню. Когда я мучительно выбирала между Таскиги, который окончил папа, и дорогим маминому сердцу

Фиском<sup>14</sup>, она спросила меня: «Сивил, ты правда мечтаешь учиться в Таскиги?» В четвертом классе я выиграла конкурс на знание орфографии среди учеников своей начальной школы, и папа записал меня на городской этап, желая проверить на прочность закон о сегрегации. Когда мы прошли регистрацию в мэрии, белый мальчишка плюнул на мои туфли, притворившись, что сделал это случайно. Накануне конкурса меня дважды стошнило. Утром, когда я завтракала хлопьями, мама спросила: «Ты правда мечтаешь туда поехать?» Вообще-то это действительно было моей мечтой, но маме я не призналась и ответила «нет». Тогда она разрешила остаться дома.

– Мне нравится быть медсестрой, – медленно произнесла я.

– Это хорошо.

– Я хотела спросить... как мне найти им квартиру? Ты знаешь кого-нибудь, кто может помочь с соцжильем?

– Моя знакомая в «Звеньях» работает в руководстве нового комплекса, Дикси-корта. Хочешь, я с ней свяжусь?

– А ты сможешь? – Я протянула к ней руку, но мама, заметив мое движение, отпрянула и взяла кисть.

– Напомни мне завтра. Вечно все вылетает из головы.

– Хорошо, мам. Напомню.

Я осталась смотреть, как она работает. Хотела побыть с ней еще пару минут. Даже погрузившись в себя, мама излу-

---

<sup>14</sup> Университет Фиска – небольшой частный университет в Нэшвилле.

чала особую силу; как свеча, озаряла все вокруг.

– Этот желтый мне нравится.

Она взглянула на холст:

– Да, хорошо вышло, правда?

В следующее воскресенье я наконец приняла приглашение Тая и отправилась к семейству Ралси на ужин. После знакомства с Таем Алиша уже дважды наведалась к ним, и пусть я сама подала ей идею, мне это не понравилось. Что, если Тай надумает встречаться с моей подружкой?.. Я не рассказывала Алише о нашем прошлом, так что ее винить не за что. Сидя напротив родителей Тая, я старалась не поддаваться волнению.

Как я сама и многие наши ровесники в Монтгомери, Тай до сих пор жил с родителями. Большинство выбирало учебные заведения именно в Алабаме, потому что черных кампусов здесь было больше, чем в любом другом штате. Талладига, Стиллман, Сельма, Майлз, Оквуд, Таскиги и так далее и так далее. Те, кому повезло жить в кампусе, обычно возвращались домой сразу после выпускного и не съезжали, пока не найдут работу или не вступят в брак. До того, как Тай стгоряча сделал мне предложение, я сомневалась, что он когда-нибудь обзаведется семьей. Мне казалось, он из тех, кто остается под одной крышей с отцом и матерью до победного.

Ралси жили в бунгало с тремя спальнями, где во всех уголках, даже самых неожиданных, стояли цветочные горшки. Из-за обилия зелени их дом напоминал оранжерею. Мистер Ралси любил проходить по комнатам с ножницами, срезая

увядшие листья, а иногда прямо посреди разговора наклонялся к ближайшему горшку и щупал грунт. Однако на самом деле страсть к растениям питал не он, а миссис Ралси. Даже когда места для них давно не осталось, она продолжала по воскресеньям приносить очередные горшки и выискивать свободную полку, столик или комод. Время от времени Тай выносил растения во двор и проверял, не пора ли их пересаживать. Ему особенно нравилось спасать те, которые с виду уже зачахли. Он заботился о растениях в доме не меньше, чем мать и отец.

Мы с Таем были единственными детьми в наших семьях, родились в один год и росли вместе. Помню, как однажды – нам лет по одиннадцать – он зашел ко мне в комнату и спросил, знаю ли я, чем отличаются однодольные растения от двудольных. Я сказала, что он талдычит слова из энциклопедий, пытаясь сойти за умного; Тай разозлился и обозвал меня мелюзгой. Тогда я наступила ему на ногу, и он убежал ябедничать матери.

– Рада наконец тебя видеть, Сивил, – сказала миссис Ралси во время ужина. – Я уже начала думать, что вы с Таем поссорились.

Я нервно улыбнулась и взглянула на Тая, пытаясь угадать, говорил ли он родителям, что в прошлом году мы встречались. Даже если нет, миссис Ралси могла догадаться сама. Проницательности ей не занимать. Это была первая чернокожая женщина, открывшая в Монтгомери юридическую

контору. Пару лет назад ее муж оставил работу и присоединился к ней. Когда-то, еще до нашего с Таем рождения, в городе было всего несколько чернокожих юристов, и мистер и миссис Ралси как раз в их числе.

Впрочем, миссис Ралси могла удивить не только любовью к растениям и успешной карьерой в юриспруденции. Она еще и великолепно готовила. Я не шучу – на кухне эта женщина буквально феерила. Моя мать, конечно, тоже неординарная личность, вот только ее кухонные феерии обычно заканчивались пожарами.

– Сейчас принесу десерт. – Я выскочила из-за стола, прежде чем она успела сказать что-то еще. Тай пошел на кухню вслед за мной.

Я выставила миски, а Тай достал из холодильника банановый пудинг. Тай из тех, кто ест торты суповой ложкой, а пудинги вилкой. Соскребает меренги. Выковыривает орехи из пеканового пирога. Глядя на Тая, я вдруг подумала, что зря приняла приглашение миссис Ралси.

Во время учебы на медсестру я находила утешение в книгах. Первые два года я ни с кем не встречалась, да и парни не проявляли ко мне интереса. Мне было непонятно, почему меня не зовут на свидания. Я знала, что многим нравятся девушки с кожей посветлее, а у меня она довольно темная. Нос, доставшийся от папы, мало кто счел бы красивым. Но было во мне и то, что могло привлечь взгляд. Например, фигура – пышные формы, четкая линия талии, красивые пол-

ные ноги, – а еще приятное лицо, прекрасные зубы и нежная кожа, не требующая макияжа.

В общежитии я обзавелась тремя близкими подругами, но к третьему курсу у них появились ухажеры и на меня времени не осталось. Примерно тогда же Тай стал по выходным приезжать в Таскиги, где жили его друзья из студенческого общества. Однажды, когда мы в полутьме танцевали на вечеринке, он поцеловал меня. Это был самый естественный поцелуй в моей жизни. Пусть мы с самого детства собачились как брат и сестра, перевести дружбу в романтические отношения для нас оказалось легко. Может, именно потому, что мы так хорошо друг друга знали. Он всегда был частью моей жизни. К весеннему семестру, на последнем курсе, я забеременела.

– Как тебе Алиша? – внезапно для самой себя спросила я.

– Почему спрашиваешь?

– Просто интересно.

– Я понимаю, почему она тебе нравится, – сказал он. – У нее доброе сердце.

– Да, она славная.

Я сама порвала с Таем, так что меня не должно интересовать его мнение об Алише.

– Сивил, нам надо поговорить.

– О чем?

Он оперся на столешницу.

– Сама знаешь.

– Что тут обсуждать?

Я скрестила руки на груди. Он распутал их и притянул меня к себе.

– Ты кому-нибудь рассказала?

– А ты?

– Нет.

– Правильно, потому что рассказывать не о чем.

– Ты же знаешь, что это неправда.

– Не хочу поднимать сейчас эту тему.

Я отстранилась и выдвинула кухонный ящик. Звякнуло серебро.

– Ладно, ладно, как хочешь. – Тай подался назад, по-прежнему серьезно глядя на меня. – Ты же знаешь, что можешь поговорить со мной и о чем-то другом.

– О чем же?

– Ну, например, Алиша рассказала, как ты переживаешь, что сделала девочкам тот укол.

– Она тебе рассказала?

Неожиданная болтливость для человека, который терзается из-за чужого секрета.

– Ага. Сивил, ваш препарат может быть опасным.

– «Депо-Провера»?

– Да. Он еще плохо изучен. Возможно, он вреден для женщин, а для твоих девочек и подавно.

– Давно разбираешься в контрацепции? Я-то думала, ты не знаешь о ее существовании.

Глядя на Тая, я каждый раз спрашивала себя, стал бы он хорошим отцом? Был бы наш ребенок похож на него? Девочка родилась бы или мальчик?

– Это несправедливо, Сивил, сама знаешь. И ты вроде не хотела поднимать эту тему.

– Так и есть.

– Слушай. Я выяснил, что «Депю» не одобрен Санитарным надзором.

– Неправда, – возразила я.

– Правда.

– Откуда ты знаешь?

– Читал.

– Ты не читаешь о таком.

– Ты не знаешь, что я делаю и что нет. – Он забрал у меня вилки и положил их на стол. – Сивил, я больше не мальчик, который связывал твои ботинки шнурками. Я мужчина.

– Знаю.

– Тогда перестань со мной так разговаривать.

Тай неспособен понять. Мне мучительно хотелось обнять его, но я не решалась переступить черту. Слишком свежа была рана.

– Алиша уже рассказала тебе, как часто в Монтгомери беременеют подростки. Нельзя же нам закрыть глаза и сделать вид, что проблемы не существует. – Я тряхнула ложкой, пудинг плюхнулся в миску. Его всю ночь держали в холодильнике, и печенье размякло.

Тай подтолкнул ко мне следующую миску.

– Задумайся, Сив. Вдруг ваши уколы приносят больше вреда, чем пользы?

Было трудно поверить, что Алиша втайне от меня обсуждала с Таем опасность «Депо». Получается, они изучали этот вопрос уже пару недель, и она не сказала ни слова. Я постаралась скрыть стыд: оказывается, «Депо» не одобрено государством, и это стало для меня неожиданностью.

– Нет причин думать, что оно вредит. В клинике есть пациентки, которым годами делают инъекции. Если бы возникли побочные эффекты, эти женщины сказали бы.

Мне вспомнились жалобы Эрики на ежедневные кровотечения. Судя по инструкции к препарату, нетипичные выделения считались нормальной реакцией. Но чтобы каждый день? Насколько обильны у нее кровотечения? И сопровождаются ли болью? Ничего из этого я у нее не спросила. Как медсестра, я должна была задать больше вопросов.

– Ты не знаешь о долгосрочных последствиях, – возразил Тай.

– Это не такой уж сложный препарат. Он просто подавляет овуляцию...

– С каких пор ты эксперт в фармацевтике?

– «Депо-Провера» – простой препарат, Тай.

Я положила в каждую миску по дополнительной ложке пудинга – так нам не придется даже ненадолго возвращаться на кухню. Затем последовала за Таем через створчатые двери.

В столовой, окутанной дымом от сигарет мистера Ралси, включили радио. На станции WRMA по воскресеньям ставили госпелы, и сейчас звучал «Еще один день». Я хорошо знала песню, но, пытаясь переварить то, что узнала от Тая, почти не разбирала слов.

– О чем шушукаетесь? – Тай поставил на стол миски с пудингом.

– О тебе, – сказала Алиша, и миссис Ралси рассмеялась.

Я рухнула на стул.

– Сивил, Тай рассказывал тебе, что на выпускном читал речь от лица всего курса? – заговорила миссис Ралси, попробовав пудинг.

– Нет, мэм.

– Он всю расхваливал ректора колледжа, профессора Барнса. И все бы ничего, но он каждый раз называл его профессором Бэйли. Сперва мы даже не поняли, про кого он. Решили, что это какой-то преподаватель. А потом... – она усмехнулась, – Тай пригласил его к трибуне, повернулся к нему и предельно серьезным голосом сказал: *Профессор Бэйли, я вручаю вам этот подарок в благодарность за все, что вы сделали для нашего курса.* Сначала по толпе пошли шепотки, потом все чуть от смеха не лопались, но профессор Барнс, похоже, совершенно не обиделся. Верить или нет, он просто поднялся на сцену и взял золотое перо.

– Надо же, – ответила я.

– Миссис Ралси, банановый пудинг у вас объеденье, – ска-

зала Алиша. – Прямо как у моей бабушки.

– Спасибо.

Мне же пудинг казался безвкусным. Я посмотрела на Алишу. Мы не разговаривали об Уильямсах с того дня в закускойной, а она у меня за спиной уже затеяла с Таем целое расследование.

– Миссис Ралси, – я повернулась к матери Тая, – вы что-нибудь знаете о «Депо-Провера»?

– Как-как, милая?

– «Депо-Провера». Это противозачаточный препарат, который мы прописываем некоторым пациенткам. Его инъекция подавляет овуляцию на три месяца.

– Нет, вроде бы слышу впервые. А что?

– Я как раз поделился с Сивил тем, что о нем прочитал, – вставил Тай. – А еще я пообщался со своим бывшим преподавателем. Его брат работает в Вашингтоне, в правительстве США. Клинические испытания препарата еще не закончены. Возможно, он опасен, а они назначают его в клинике.

– Вряд ли людям делали бы инъекции, будь он опасен. – Миссис Ралси оперлась локтями на стол.

– Черным и беднякам – запросто. Вспомни, что делали с теми мужчинами в Таскиги.

Миссис Ралси помрачнела. Все мы были шокированы, когда стало известно об эксперименте в Таскиги<sup>15</sup>. Исследова-

---

<sup>15</sup> Исследование сифилиса, которое проводилось в Таскиги, округ Мейкон, в 1932–1972 годах, с участием 600 чернокожих мужчин-издольщиков. Пресле-

ние шло сорок лет, но вплоть до лета 1972 года никто из нас о нем не подозревал. В голове не укладывалось, что ученые обрекли на смерть сотни мужчин, оставив их без лечения, когда давно был доступен пенициллин.

– К чему ты клонишь, Тай? – спросила миссис Ралси.

В дверном проеме возник ее муж с почти докуренной сигаретой в руке.

– Что обсуждаете?

– Тай говорит, что противозачаточный препарат, который используют в клинике у Сивил с Алишей, возможно, опасен.

– Клинические испытания показывают, что он вызывает рак, – сказал Тай.

– У людей? – спросил мистер Ралси.

– У мышей. Обезьян. Его начали исследовать пять лет назад. И Санитарный надзор отклонил заявку на одобрение.

– Ну, бывает, что неодобренные лекарства назначают в особых случаях. – Миссис Ралси перевела взгляд на меня: – Сивил, твои пациентки знают о рисках?

– Думаю, да. То есть... наверное.

– Вы же даете им подписать бланк с перечислением возможных побочных эффектов?

Я попыталась вспомнить тех женщин, которым мы пропи-  
сали «Депо» с первого дня моей работы в клинике. Да, мы

---

дья цель изучить все стадии развития болезни, пациентов намеренно не лечили от сифилиса, хотя к 1947 году уже активно применялся пенициллин. В 1972 году эксперимент получил широкую огласку после утечки в СМИ.

просили их подписать какие-то документы, но миссис Сигер говорила, что достаточно дать краткую выжимку своими словами. *Это просто формальность. Нет причин для беспокойства.* Те пациентки, которых я принимала, не читали текст самостоятельно. Они только слушали, как я пересказываю содержание, и слепо верили моим словам. Даже женщины, владевшие грамотой, подписывали бумаги не глядя.

– Я подумала вот о чем, – заговорила Алиша. – Даже если препарат и правда провоцирует рак, он не перестает быть полезным для нашего дела. Рак может обнаружиться через годы. Это слишком далекая перспектива. А вот забеременеть можно уже сейчас.

Видимо, поэтому Алиша и не стала мне ничего рассказывать. Считала, что беременность – проблема куда насущнее и что наша работа в любом случае важна.

– Алиша, это не аргумент, – покачал головой Тай. – Мертвые женщины детей не рожают.

Мистер Ралси, который до этого молча следил за беседой, подал голос:

– Тай прав. Если препарат действительно связан с серьезными рисками, то, в сущности, вы ставите на женщинах эксперимент, подобный тому, какой проводили с теми мужчинами в Мейконе.

*Не только на женщинах. На детях тоже.* Я сглотнула. Сперва я старалась не думать об инъекции Индии Уильямс, успокаивала себя тем, что действие препарата прекратится,

когда он выведется из организма. Потом, чтобы загладить вину, решила найти ее семье квартиру. Но вдруг из-за меня у нее будет рак? Тай наверняка ошибается. Скорее всего, формулу доработали в ходе клинических испытаний. К тому же исследования проводились на животных, а не на людях.

Тай изучал биологию, но это еще не значит, что он знает все. У миссис Сигер многолетний опыт. Пусть с нами, медсестрами, она и ведет себя строго, но не стала бы намеренно вредить пациентам. Миссис Сигер стремится помогать людям, как и любая из нас. Нужно поговорить с ней и все прояснить.

– Я помою посуду, миссис Ралси, – сказала я и собрала миски, размышляя, как набраться смелости и расспросить миссис Сигер.

На том воскресном ужине Тай с Алишей будто окатили меня ушатом холодной воды, и я не могла думать ни о чем другом. Прежде чем идти к миссис Сигер, нужно было все разузнать, и мне не хотелось, чтобы они искали информацию вдвоем, без меня. Поэтому в ту же неделю я позвонила им и предложила съездить со мной в Университет Таскиги. В выходные мы отправились на встречу с мисс Поуп, тамошней библиотекарейшей. Я познакомилась с ней, когда она, практически загнав меня в угол, вручила недавно опубликованную «Власть черных» Стокли Кармайкла<sup>16</sup>. *Приходи, как дочитаешь*, сказала она, будто у меня не было права отказаться. Вскоре мы уже обсуждали идеи Кармайкла за чашкой растворимого кофе без кофеина в ее кабинете, сходясь во мнении, что он уделил недостаточно внимания женщинам. Хотя сама мисс Поуп себя так никогда бы не назвала, среди моих знакомых она стала первой интеллектуалкой феминистского толка.

Именно она выручила меня, когда я поняла, что беременна. Я призналась, что не хочу оставлять ребенка, мисс Поуп

---

<sup>16</sup> Стокли Кармайкл (Кваме Туре) – американский общественный деятель тринидадского происхождения, участник движения за гражданские права чернокожих. «Власть черных. Политика освобождения» (1967) написана в соавторстве с Чарльзом В. Гамильтоном.

усадила меня в кабинете и предложила обратиться к Господу за советом. Мы беседовали с ней минут сорок. Убедившись, что мое решение окончательное, она рассказала о женщине из соседнего округа, которая, по слухам, проводила безопасные аборт, и предложила отвезти меня к ней, когда я буду готова. В день процедуры, заплатив этой женщине сотню долларов, я легла на койку в задней комнате ее дома, а мисс Поуп, с Библией на коленях, ожидала меня в гостиной. Когда дело было сделано, мисс Поуп приютила меня, и я жила у нее всю следующую неделю. К моей тайне она относилась с ангельским чувством такта – не выпытывала деталей и не спрашивала, кто отец.

Тай знал, что мисс Поуп тогда помогла мне, но пообещал не поднимать эту тему во время встречи. Вопреки обыкновению, он почти всю дорогу молчал. Круто свернув, мы заехали в кампус. Так называемая долина слева от нас, зеленая по весне, поражала яркостью, и я вспомнила, как папа впервые привез меня сюда на экскурсию, каким завораживающим показался мне витавший здесь дух истории, величественные кирпичные здания и треугольная крыша часовни. Шел период осенних консультаций, вокруг, прижимая к груди учебники, сновали девушки в юбках, с выпрямленными и аккуратно собранными волосами. От них невозможно было отвести взгляд.

Тай припарковался перед библиотекой, и мы втроем зашли через главный вход. Когда мы миновали стеллажи,

над нами, громко щелкнув, автоматически вспыхнули лампы. Атмосфера в библиотеке Таскиги царила серьезная, под стать самой мисс Поуп. Это было не то место, где можно по-валять дурака с друзьями. Если студенты просили помочь с письменными работами накануне дня сдачи, мисс Поуп соглашалась, но перед этим непременно читала им лекцию – мол, хорошую работу впопыхах не напишешь и, кстати, сложите потом книги вон в ту стопку. Впрочем, за время учебы в Таскиги я поняла, что за ее суровой наружностью скрывается гораздо большее. Мисс Поуп вела насыщенную жизнь: работала в библиотеке, вела группу по изучению Библии и, кроме того, объезжала на машине страну. Замуж она не вышла, зато вместе с сестрой побывала в тридцати двух из пятидесяти штатов – немалое достижение для двух чернокожих женщин, путешествующих без мужчин.

– После твоего звонка я постаралась собрать несколько документов, которые могут показаться вам любопытными. Возможности как следует подготовиться ты мне, по сути, не дала – позвонила, будто мне нечем в выходные заняться.

– Спасибо, что выделили для нас время, мисс Поуп, – сказала я. – Мы привезли вам цветок для рабочего стола.

Цветок мы взяли дома у Тая – подарок в знак благодарности. Выбрали тот, по которому миссис Ралси не стала бы горевать: как почти у любой матери, у нее были любимчики – и неважно, что речь о растениях. Тай пересадил его в красивый керамический горшок с яркими камушками. Наверное,

он так старался угодить мисс Поуп в том числе и потому, что был признателен за ту помощь год назад.

Мисс Поуп приняла цветок и указала на стулья, сдвинутые с обычных мест:

– Юноша, переставьте-ка вон те стулья обратно к столу. Кто-то их таскает куда попало.

– Да, мэм.

Тай на секунду задержал на ней взгляд и поспешил выполнить поручение. Алиша прикрыла рот рукой. Я старалась не смотреть на нее, боясь рассмеяться. Мисс Поуп передумает нам помогать, если решит, что мы ей дерзим.

Библиотекарша оглядела Алишу:

– Вы работаете в одной клинике с Сивил?

– Да, мэм.

Была суббота, но мы приехали в медицинской форме – я знала, что мисс Поуп это понравится. Она всегда ощущала гордость, когда видела выпускников в их профессиональной одежде. Как-то у нее в кабинете я познакомилась с первым чернокожим полицейским во всем Бирмингеме, выпускником Таскиги. Она до того гордилась им, что чуть к его ногам не падала. Как бы мисс Поуп ни восхищалась активистками вроде Джо Энн Робинсон или Мэри Фэйр Бёркс<sup>17</sup>, она не менее твердо верила в пользу экономического подъема. Не по-

---

<sup>17</sup> Джо Энн Робинсон и Мэри Фэйр Бёркс – активистки, в разное время занимавшие должность президента Женского политического совета – организации, которая в числе прочего активно участвовала в подготовке «автобусного бойкота» в Монтгомери.

лучится добиться изменений, если будет нечего есть. Сперва заработай на пропитание. Потом маршируй. Однажды в библиотеке мы с группой студентов завели жаркую дискуссию: как, мол, нам следовать этому правилу, если нас попросту не берут на работу? Начинать нужно с маршей, настаивали мы. А вы делайте все параллельно, заявила мисс Поуп. Да уж, она была ни на кого не похожа.

Библиотекарша подвела нас к широкому столу в середине зала.

– Между прочим, многие думают, что клиники контроля рождаемости – это инструмент геноцида. В шестьдесят седьмом, на конференции движения «Власть черных», организованной Амири Баракой<sup>18</sup>, даже приняли резолюцию против средств контрацепции.

– Я об этом не знала, – сказала Алиша.

– Напомните, как вас зовут?

– Алиша, мэм.

– Ну так почитайте, Алиша. Слышали о Ширли Чисхолм<sup>19</sup>, члене конгресса? О, когда она баллотировалась в президенты, это был бальзам на душу! Эта женщина – настоящая революционерка. Она сказала, что нападки на клиники контроля рождаемости – это очередной пример патриар-

---

<sup>18</sup> Амири Барака (наст. имя Лерой Джонс, 1934–2014) – американский поэт, писатель и активист, известный провокационными текстами.

<sup>19</sup> Ширли Чисхолм (1924–2005) – первая чернокожая женщина, избранная в конгресс США. Баллотировалась в президенты от Демократической партии в 1972 году.

хальной риторики. Именно так!

– Мисс Поуп, мы очень благодарны, что вы нашли время встретиться с нами, – повторила я, стараясь вернуться к интересующей нас теме.

– Да ну? Тогда в будущем звоните раньше чем за два дня до приезда. А теперь к делу. По телефону ты говорила, что вы хотите узнать о «Депро-Провера». Вы используете его в клинике?

– Да, мэм. И, насколько я знаю, он не одобрен Санитарным надзором. Согласно результатам исследования, он вызывает у лабораторных животных рак матки.

– Да, все это ты упомянула по телефону, – кивнула мисс Поуп. – Как часто вводят в оборот неодобренные лекарства? Раньше подобное происходило?

– Такое случается, но это не распространенная практика, – ответила я. – Нас это тревожит еще из-за того, что препарат назначают детям.

– Ну, об этом мне известно немного. Ясно одно: вам надо рассказать об этом кому-нибудь и срочно что-нибудь предпринять. Звучит все подозрительно. – Мисс Поуп поправила съехавший парик. Прическа у нее всегда была одинаковой – короткие темные кудри. Когда парик сползал на оправу очков, мисс Поуп подталкивала его обратно, как шапку.

– Мы можем снова приехать завтра. Вы успеете еще поискать, – сказал Тай, усаживаясь рядом с Алишей.

– Сынок, я не работаю по воскресеньям. Церковь, слыша-

ли про такое?

– Да, мэ. Простите.

– Дурная кровь, – вдруг сказала мисс Поуп.

– Что-что? – не поняла я.

– Так они говорили тем мужчинам. Якобы у них дурная кровь. И наблюдали, как те страдают и умирают.

Мы устроились за столом, а мисс Поуп направилась к себе в кабинет, откуда вынесла папки и книги – так много, что они загромождали ее лицо. Тай поднялся и помог все донести.

– Про «Депю» я мало что могу рассказать. Зато я собрала материалы о медицинских экспериментах над черными и все статьи про то исследование сифилиса, которое проходило практически в паре шагов от нас.

– За ним стояла Служба общественного здравоохранения, верно? – спросил Тай.

– Да, их рук дело. Читали газеты? Паскудство. Они изображали, будто и правда лечат мужчин. Говорили им, что виновата дурная кровь.

– Сколько их было, мисс Поуп? – Алиша раскрыла одну из книг на столе.

– Вроде около шестисот...

– Шестьсот человек?! Боже милосердный.

– Увы, Алиша, к тем людям Господь милосерден не был. Большинство из них умерли. Но и этим не кончилось. Потом проводили вскрытие, чтобы больше узнать о болезни.

– После такого у них еще хватило совести резать трупы? –

Тай сорвался на крик, и я положила ладонь ему на плечо. Он откинулся на спинку стула с таким видом, будто его самого собирались разрезать.

– А как мужчин вообще уговорили участвовать в эксперименте? – спросила я. Повозмущаться еще успеем.

– Пообещали бесплатные обеды, бесплатный проезд и так далее. Многие до этого ни разу не бывали у нас в кампусе, понимаете? И вот они приезжают сюда, уверенные, что их будут лечить первоклассные доктора. Когда эксперимент только начинался, люди еще вовсю прибежали к народным средствам. Подсолнечное масло от сыпи. Листья капусты от головной боли. Вам, молодежи, такое даже не снилось.

– Как они набирали участников? Ходили по домам в деревнях? – Я вспомнила, как впервые побывала на ферме Адэра.

Мисс Поуп пристально посмотрела на нас с Алишей.

– Мы сами им помогали.

– Кто «мы»? – снова включился Тай.

– Слышали про Юнис Риверс? Выпускница Таскиги. Красавица, умница. Когда мне сказали, что она про все знала, я чуть со стула не упала.

– Черная женщина? – Я не могла поверить ушам.

Мисс Поуп продолжила рассказывать:

– Скорее всего, она думала, что делает доброе дело. Сифилис был тяжелой болезнью, а тут приходят эти белые и говорят, что хотят разработать лекарство и Таскиги якобы

может внести вклад в науку. Видимо, она поверила правительству.

– И верила все сорок лет, мисс Поуп? – изумленно спросила я.

Лампы погасли, но никто не пошевелился. Свет теперь горел только над библиотечной стойкой, и мы глядели друг на друга в полумраке. Тай сидел неподвижно, положив руки на стол. Алиша будто за миг постарела.

– После войны уже использовали пенициллин, – продолжила я. – Почему они не применили его в лечении?

– Прочитай статьи. – Мисс Поуп постучала пальцем по стопке газет и подалась вперед. – Они хотели увидеть, что будет, если дать болезни развиваться.

Повисла тишина. Сказать друг другу нам было нечего. Меня накрыла какая-то невообразимая тяжесть, глаза застлала серая пелена.

– Теперь вы знаете, что белые думают о наших телах, – шепотом сказала мисс Поуп. – Мол, болевой порог выше. Судя по документам, которые я собрала, кто-то даже считал, что сифилис для нас не смертелен. Они не просто изучали болезнь, они ставили безумный эксперимент на черных.

Не знаю, о чем думали Алиша и Тай, я – о семьях тех пациентов. О женах. Детях. Про эксперимент стало известно лишь прошлым летом, и хотя в черных семьях в Монтгомери эта тема регулярно возникала за ужином, почти никто из нашего круга не знал жертв лично. Летом 1972 года, когда ис-

торию предали огласке, я уже выпустилась и уехала из Таскиги. Не было шанса осмыслить, какое значение эти события имеют для нашего маленького университетского сообщества.

Мной все больше овладевала мысль, которая казалась невыносимой. Что, если, назначая «Депю», правительство проводит аналогичный эксперимент над черными женщинами?

– Вы тогда здесь уже работали, – сказала я. – Не сочтите за грубость, мисс Поуп, но как вы могли не заметить?

Мисс Поуп раскрыла одну из верхних папок.

– Милая, я задаю себе тот же вопрос. Как это могло происходить у меня под носом? Узнав об эксперименте, я начала собирать информацию – все, что только могла найти. Начните отсюда. Это самиздатская рассылка, которая пару лет назад распространялась в Вашингтоне. Билл Дженкинс, чернокожий специалист по биостатистике, узнал о происходящем и забил тревогу. Знаете, почему никто не прислушался?

– Почему? – прошептала я.

– Если обычные люди ни о чем не подозревали, то в медицинских кругах тайны не было. Можно сказать, правительство работало в открытую. Печатали, например, статьи в медицинских журналах. То ли никто не усматривал в этом проблемы, то ли всем просто плевать на нищих цветных в Алабаме.

– Или многим казалось, что цель у эксперимента благая, –

добавила я.

Алиша приложила кулак к виску. Тай сидел тихо, в тени, и его лица я не видела.

Мисс Поуп подтолкнула к нам стопку документов.

– Сидите сколько хотите. Я никуда не спешу.

# 12

## *Джексон*

2016

В истории движения было много событий, мысли о которых терзают меня по сей день, и одно из них – убийство Медгара Эверса<sup>20</sup>. Каждый раз, оказываясь в Джексоне, я представляю, как его окровавленное тело лежит на пороге дома, а его жена и дети в ужасе прижимаются друг к другу на полу в ванной. Помню, как, увидев Эверса по телевизору, я восхитилась его харизмой и храбростью. Когда он погиб, мне было тринадцать, и новость о его смерти стала точкой отсчета моей взрослой жизни. Люди, жившие на Глубоком Юге в шестидесятые, не питали иллюзий, знали, насколько опасно выступать за движение. Либо ты бросаешься на амбразуру, либо держишься в стороне. Были и те, кто сочувствовал и наблюдал издали, боясь лишиться работы или навлечь на

---

<sup>20</sup> Медгар Эверс (1925–1963) – активист движения за гражданские права чернокожих, первый секретарь Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения от штата Миссисипи. В 1963 году застрелен членом Ку-клукс-клана.

себя что похуже. Даже после всего, что произошло в Алабаме, в Миссисипи по-прежнему царили старые порядки. Нина Симон попала в самую точку, когда спела «Чертов Миссисипи»<sup>21</sup>. Там-то, в дельте одноименной реки, среди сельских угодий, Эверс ходил от фермы к ферме, стучался в двери уединенных хижин и регистрировал избирателей.

Я всегда думала, что лидеры движения должны быть немного безумными. Бесстрашными, как Фред Шаттлсворт<sup>22</sup>. Клянусь, он будто происходил из другого мира. Может, тебя это удивит, но мне казалось, что к началу семидесятых мы наконец вышли на новый этап. Расизм никуда не исчез, и я это понимала, но надеялась, что благодаря «Власти черных» и просвещению мы сможем выстоять и сдержать его. Мы прошли через ад, так что в семидесятых все непременно улучшится.

Приезжая в Джексон, я думаю не только об Эверсе, но еще и о Фанни Лу Хеймер<sup>23</sup> и словосочетании «аппендэктомия по-миссисипски». Я не знала, что это такое, вплоть до медицинской школы, где меня просветила чернокожая настав-

---

<sup>21</sup> Композицию *Mississippi Goddam*, посвященную, как считается, в том числе убийству Медгара Эверса, Нина Симон называла своей первой песней о гражданских правах.

<sup>22</sup> Фред Шаттлсворт (1922–2011) – бирмингемский пастор, один из активистов движения за гражданские права и соратник Мартина Лютера Kinga.

<sup>23</sup> Фанни Лу Хеймер – активистка движения за избирательные права и права чернокожих женщин, соосновательница и вице-председатель демократической партии «Свобода Миссисипи».

ница. От осознания смысла этого выражения меня пронзила острая боль. В 1961 году Хеймер стерилизовали без ее согласия, и такое случалось настолько часто, что женщины придумали для процедуры название. Жаль, я ничего не знала об этом, когда была в твоём возрасте, Энн. Лучше бы нам рассказали о подобной практике ещё в сестринской школе в Таскиги. Возможно, тогда что-то сложились бы иначе.

Я за рулем с половины седьмого утра, и организм требует кофеина, но так хочется скорее увидеть Алишу, что остановок решаю не делать. Её жилой комплекс недалеко от торгового центра, указатель из красного кирпича гласит: «Плантация Ривервуд». Интересно, беспокоят ли Алишу ассоциации с подневольным трудом или вообще не приходят ей в голову.

Дома в Ривервуде все в одном стиле, недавней постройки. Алиша живет в четвертом справа. На полукруглой площадке, к которой ведет подъездная дорожка, припаркованы три машины и фургон. Муж Алиши держит автомастерскую. У них трое взрослых детей – все сыновья, все женаты, все с высшим образованием. Двое закончили Университет Миссисипи. Третий учился в Тугалу. А еще есть шестеро внуков. Муж Алиши состоит в совете дьяконов, а сама она – миссионерка. Воплощение американской мечты в её южном варианте.

Я не была удивлена, когда после рождения детей Алиша оставила работу медсестрой. В то время многие чернокожие южанки грезили о жизни домохозяек. Мы называли это

«сидячим существованием». Алиша всегда придерживалась традиционных взглядов, мечтала создать семью. Меня воспитали иначе. Мама никогда не работала, поэтому я с детства знала, что, в противоположность ей, буду строить карьеру.

Звоню в дверь и по тому, как быстро открывает Алиша, догадываюсь, что она наверняка следила за мной через окно. Я приехала к тому времени, к которому меня ждали, может, даже на пару минут раньше. Первое, что замечаю, – ее брови, подведенные, как и прежде, две безупречные темные линии. Хорошенько рассмотреть Алишу не удастся – она немедленно обнимает меня, и я чувствую цитрусовый запах ее духов.

– Господи, это и правда ты, – без пауз произносит она. На ней красное домашнее платье в цветочек. – Ох, как же ты похудела. Пушинка.

Объятие получается крепким, и я растворяюсь в нем, застигнутая врасплох такой теплотой. Алиша берет меня за руку и ведет в большую комнату с высоким потолком. Вся мебель с обивкой в цветочек. Шторы тоже. Над камином, заставленным искусственными цветами, висит плазменный телевизор. С дивана на меня смотрит белый карликовый пудель.

– Это Коко. Ей семнадцать, к двери она теперь выбегает редко.

– Не знала, что у тебя есть собака.

Можно рассказать ей о моем псе из приюта, но это, решаю я, выйдет натушно, так что больше ничего не говорю. Мы са-

димся рядом на диван, отсюда мне видна кухня. Столешница завалена вещами. Я перевожу взгляд на Алишу. Она наблюдает за тем, как я осматриваю ее дом.

– Я бы тоже хотела увидеть, где ты живешь, – говорит она.

– В четырехкомнатном бунгало в центре Мемфиса. Там симпатичная веранда. И сад. Нам с мамой и Энн больше ничего и не нужно.

– Как твоя мама?

– Нормально. Когда умер папа, я перевезла ее к себе в Мемфис. Теперь они с тетей Роз могут бывать друг у друга чаще.

– Моя мать живет тут неподалеку со своим старым христом.

Из редких разговоров с Алишей за последние годы я знаю, что ее родители развелись и мать, после двадцати лет связи на стороне, вышла замуж за пастора.

– Ты так и не простила их?

Алиса поджимает губы.

– Я простила, но не забыла. Папа оказался куда милосерднее. У него новая жена, учительница на пенсии. Они живут во Флориде.

– Рада за него.

– Как дела у Энн?

– Недавно окончила колледж. Изучала антропологию. Сама знаешь, какая сейчас молодежь. Выбирают специальность не из практических соображений, а просто из любопытства.

Алиша заливается смехом, громко и от души.

– Я сказала мальчикам, пусть изучают все что захочется, лишь бы потом вернулись работать в папину мастерскую.

– Как они, твои сыновья? – спрашиваю я, держа при себе мысль, что это ужасный подход к воспитанию. Помню, как сама сомневалась насчет карьеры в медицине, в основном из-за папиного давления. Я стараюсь сосредоточиться на беседе. Осуждать Алишу всегда было легче легкого.

– Нормально. Один из них как раз сейчас должен подъехать. Привезет нам жареного сома из ресторана, которым управляет его жена. Я подумала, что ты в дороге проголодаешься. Ты уже ела?

– Нет, но, Алиша, кто ест на завтрак сома?

– А что такого? Жареная рыба и кукурузная каша – прекрасный способ начать день.

– Ну ты даешь...

– Ох, начинается. Дамы и господа, минута внимания. К нам пожаловала доктор Таунсенд.

Мы смеемся, и лед между нами тает. Сын Алиши привозит еду, но в дом не заходит, и я только рада, что мы представлены сами себе. Накрываю стол в кухне.

– Ладно, подруга, рыба что надо, – признаю я, попробовав. И правда вкусно.

– А я говорила.

Когда мы заканчиваем есть, Алиша откидывается на спинку стула и вытирает губы салфеткой. Помада размазы-

вается по подбородку. Я больше не крашусь, так что мне не нужно о таком беспокоиться. Приходится следить лишь за питанием.

– Индия вчера вернулась домой из больницы, – резко меняет тему Алиша.

– Какой у нее диагноз?

– Рак.

– Рак, – тихо повторяю я. – Насколько все плохо?

– Не знаю. Она лечится.

Пытаюсь заглушить чувство вины. Слишком уж много лет я ждала.

– Все хотела спросить тебя, Сивил. Думаешь, болезнь может быть вызвана «Депо»? – Алиша понижает голос, будто рассказывает секрет.

Я качаю головой:

– После двух уколов вряд ли. Во всяком случае, мне так кажется.

Алиша встает и начинает складывать посуду в раковину. Я открываю посудомойку, она включает кран. Она споласкивает, я загружаю. Когда дело сделано, Алиша заваривает нам кофе. Мы устраиваемся на диване в гостиной и пьем из огромных чашек. На Алишиной надпись, восхваляющая историю чернокожих. Моя без рисунка.

– Почему ты пропала, Сивил?

– Поступила в медицинскую школу. – Прозвучало так, будто я обороняюсь, но это получилось инстинктивно.

– И что, в Мехарри телефонов нет?

– Не надо, Алиша. Ты знаешь, как много сил это забирает.

– Ты сделала именно то, что клялась никогда не делать.

Что, интересно? Решила сберечь рассудок? Не наломать еще больше дров?

– Ты пробовала связаться с их зеленоглазым папашей? Я знаю, ты к нему неровно дышала.

Разумеется, я не пыталась связаться с Мэйсом. И Алише это явно известно. Она хочет меня немного помучить, и я, в общем-то, заслужила. Не могу объяснить, почему отгородилась от Монтгомери. Как рассказать все, не показавшись эгоистичной? Мне стыдно, что я оборвала нашу дружбу, но если бы я могла повернуть время вспять, то все равно поступила бы так же.

– Прости, что я пропала, Алиша, что оказалась плохой подругой.

– Вот только не надо марафона извинений, – отмахивается она и вдруг подается вперед: – Погоди, так вот зачем тебе эта поездка? Устраиваешь марафон извинений?

– Нет, конечно.

– Милая, если ты затеяла все это, надеясь залатать рану, то десять раз извиниться – не выход.

– Не понимаю, о чем ты.

– Все ты понимаешь. Каких ответов ты ищешь, Сивил? Какие вопросы тебя мучают?

– Говоришь прямо как тетя Роз.

Она молчит, лицо спокойное, невозмутимое. Я вдруг ясно вижу, что передо мной другая, повзрослевшая Алиша. Силы между нами распределены иначе, чем прежде. Я недооценила значение сорока прошедших лет.

– Завидую тебе. Твоему дому. Жизни, которую ты построила. Думаю, все эти годы в профессии я пыталась искупить тогдашнюю ошибку.

– Сивил, почему ты взяла ответственность на себя?

– Сама знаешь.

– Тебе скоро семьдесят, черт побери. Пора уже перестать носить этот груз.

– По-твоему, то, что случилось с девочками, это «груз»?

– Все нашли способ жить дальше. А ты почему не можешь?

– Не могу, вот и все.

– Почему?

– Потому что постоянно спрашиваю себя, сделала ли я все возможное? И я, и мы все? *Правильно ли мы поступили?*

Алиша скрещивает руки и откидывается на спинку дивана.

– Сивил Таунсенд, ты врач. И, судя по тому, что пишут в интернете, хороший. Значит, прекрасно должна понимать, куда приводят такие вопросы.

– Ты не ответила.

Она смотрит на меня. Мне хочется предложить ей поехать со мной, потому что она понимает все лучше, чем кто-либо.

Но я молчу.

*Монтгомери*

1973

Разузнав больше о событиях в Таскиги и прочитав материалы, собранные мисс Поуп, я начала еще сильнее тревожиться, не иду ли опасным путем, похожим на тот, каким шла тогда Юнис Риверс. Необходимо убедиться, что у нас все иначе. Знала ли миссис Сигер о возможном вреде препарата и прописывали ли его другим совсем юным девушкам? Фиксировали ли в клинике, как пациентки реагируют на «Депо»? Мне был известен только один способ отыскать ответы – просмотреть медицинские карты. Я попыталась вызваться в понедельник подготовить клинику к закрытию, но миссис Сигер уже назначила на дежурство двух других медсестер. Оставалось только пойти на разведку в рабочее время.

Миссис Сигер хранила все медкарты в шкафчике у себя в кабинете. Когда кто-нибудь из постоянных пациентов приходил на осмотр, медсестра в регистратуре, как правило Ло-

ри, должна была принести нужную карточку. Только она и имела к ним доступ. Шарить в кабинете миссис Сигер, когда Лори за стенкой, казалось самоубийством, но иного выхода у меня не было.

Кое-что я уже знала. Уколы «Депо-Провера» назначали не всем пациенткам. Кто-то принимал противозачаточные таблетки, их выдавали ежемесячно. Мы выписывали лекарства при заболеваниях, передающихся половым путем, инфекциях мочевыводящих путей и молочнице. Еще проводили гинекологические осмотры. Сперва мне придется отобрать карточки тех пациенток, которые принимали «Депо». Сделать это непросто. Вторая задача – найти заметки миссис Сигер. У нее наверняка есть какой-нибудь ежедневник или книга для записей, где она фиксирует наблюдения. Такой медицинский журнал вел папа, и я предположила, что он должен быть и у нее.

До прихода в клинику миссис Сигер заведовала документацией в Профессиональном медцентре и как-то во время нашего обучения похвалилась, что за двадцать с лишним лет не потеряла ни одной медкарты. Я впервые собиралась залезть в ее шкафчик – запертый, как я предполагала. Она явно из тех людей, кто запирает шкафы. Так и оказалось, но ключ я отыскала неожиданно быстро – он лежал под фарфоровым колокольчиком на столе.

В соседнем кабинете слышался голос самой миссис Сигер. Она пыталась уговорить мать шестерых детей на перевязку

маточных труб. Этой пациенткой миссис Сигер занималась уже несколько месяцев и на каждом приеме, как утром заметила медсестра по имени Фиона, не меньше получаса заверяла ее в преимуществах операции. Другую сестру, Лори, ситуация особенно удручала: однажды пациентка привела в клинику всех отпрысков, и, заметив их голодный вид, Лори отдала им свой обед – мол, пусть разделят. Само собой, толку от такой помощи было мало.

Сквозь тонкую стенку я слышала каждое слово миссис Сигер.

*Если вы сделаете операцию, вам больше не нужно будет думать о контрацепции. Сможете посвятить время уже имеющимся детям.*

*Понимаю, но Господь пообещал, что у меня будет муж. А если я захочу завести в браке ребенка?*

*У вас уже шестеро детей. Разве этого недостаточно для мужчины?*

По пути сюда я не видела у входа в клинику пациенток. Из медсестер осталась одна Лори. Буквально только что она ставила чайник в комнате отдыха. До ее возвращения на пост в моем распоряжении было как минимум несколько минут.

Ключ легко повернулся в замке. Я вытащила одну из папок и чуть выдвинула соседнюю, чтобы потом не перепутать порядок.

Мэри. 13 лет. Инъекции «Депо-Провера»: 5.01.1972, 6.04.1972.

Пэтси. 16 лет. «Депо-Провера». Внутриматочная спираль.  
Йоланда. 14 лет. Эпилепсия. «Депо».

Я пролиставала еще несколько медкарт, чтобы найти подписи родителей и бланки согласия. Судя по адресам, большинство пациенток жили в окрестностях клиники. У некоторых дома были за городом – возможно, неподалеку от Уильямсов – или на Клэйтон-элли.

В самом низу карточек медсестры, как нас учили, делали разнообразные пометки:

избыточные кровотечения;  
аменорея;  
жалобы на головную боль;  
колющая боль в животе;  
нетипичные выделения;  
реакция на препарат хорошая, побочных эффектов нет.

Одна из сестер – с размашистым почерком – снабжала заметки восклицательными знаками.

Пришла на инъекцию с задержкой! Не понимает, для чего назначен препарат! Припухлость на месте укола!

Свои инициалы эта медсестра в медкартах не проставляла. А от нас требовали каждую запись сопровождать своими инициалами и датой.

*Как мне работать? Кого я оставлю с детьми? Моя мать сидеть с ними не может.*

*Это не оправдание.* За стеной миссис Сигер продолжала

беседовать с пациенткой.

Другие пометки сложнее поддавались трактовке:

дезориентирована, но спокойна;

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.